

Анна Аникина

Время Веры

«Литнет»

2025

Аникина А.

Время Веры / А. Аникина — «Литнет», 2025

У Павла, талантливого врача, жизнь расписана по минутам между операциями и дежурствами. Он привык к точности и порядку. Но однажды в его идеально выверенный мир врывается Вера – амбициозная студентка юрфака с огнем в глазах и неукротимым характером. Смогут ли Павел и Вера преодолеть все препятствия и найти свою любовь? Или хитросплетения судьбы окажутся сильнее них? Эта история о том, как любовь способна победить самые темные времена. О том, как важно верить в себя и друг в друга, даже когда весь мир против тебя .

© Аникина А., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Пролог	5
Глава 1 Павел	6
Глава 2 Вера	8
Глава 3 Павел	10
Глава 4 Вера	11
Глава 5 Павел	13
Глава 6 Вера	14
Глава 7 Вера	16
Глава 8 Вера	18
Глава 9 Вера	20
Глава 10 Вера	22
Глава 11 Вера	24
Глава 12 Павел	26
Глава 13 Павел	28
Глава 14 Вера	30
Глава 15 Вера	32
Глава 16 Павел	34
Глава 17 Вера	35
Глава 18 Павел	36
Глава 19 Вера	38
Глава 20 Павел	39
Глава 21 Вера	40
Глава 22 Павел	42
Глава 23 Павел	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Пролог

Время Веры

Пролог

Дождь начался резко. Будто там, где-то наверху за облаками кто-то открыл кран и переключил режим на "душ". Сладкий пьянящий запах цветов стал вдруг очень ярким и почти осязаемым.

Вера замерла на полуслове. Ей хотелось высказать этому зануде всё, что накопилось. Но шум дождя моментально заглушил звуки. Бесполезно перекрикивать.

Она и среагировать не успела, когда Кирсанов потянул её за руку.

- Надо спрятаться, бежим!

- Прятаться? Ты сахарный? Тут до дома метров двести. Успеем добежать! - в её серых глазах заплясали черти.

Павлу ничего не оставалось. Он только крепче сжал Верину ладонь. Они помчались вдоль проспекта в сторону дома.

Верочка сначала азартно перепрыгивала лужи. Потом просто бежала, сверкая коленками, пытаясь успеть за длинноногим Кирсановым, тащущим её за собой.

Арку проскочили, не сбавляя темп. Уже во дворе под огромной липой Вера вдруг притормозила. Глянула из-под ресниц так серьёзно и пронзительно, что Павла будто под дых ударили. Тряхнула рыжими волосами. Ведьма. И снова побежала уже наискосок через двор к парадной.

Павел догнал её, пытающуюся одновременно мокрыми руками попасть в три в кнопки старого кодового замка на двери и дёрнуть ручку. Всё она пытается сделать сама!

- Да погоди. Дай мне, - его ладонь легла поверх тонкой девичьей. От дрожи и холода не осталось и следа. Жар прокатился по телу и отозвался бешеным стуком сердца.

Они ввалились в крохотный лифт, толкаясь и по-собачьи отряхиваясь. И пока скрипучая крохотная кабинка поднималась на шестой этаж, уставились друг на друга.

Друзья, рада всех вас видеть в новой истории. Надеюсь, она не оставит вас равнодушными.

Традиционно напоминаю, что у книги не возрастного ограничения. Поэтому не ждите обнаженки. Будет любовь во всех её прекрасных проявлениях.

Автор горячо приветствует комментарии, приятное общение и звёздочки.

Графика пока нет. Но я буду стараться не затягивать с новыми главами.

Поехали?

Глава 1 Павел

1. Павел

Кирсанов терпеть не мог свадьбы. Очень много малоизвестных людей, которые пытаются найти общие темы для разговоров и не забыть, зачем же пришли. Много еды. И обалдевшие от всеобщего внимания молодожёны, которым, кажется, больше понравилось побыть где-то вдвоём, чем целоваться на виду у такого количества свидетелей и выслушивать однотипные пожелания.

Но это событие было исключением. Как, впрочем, и любой визит в Москву к чудесным друзьям родителей. Этих людей он считал своими родственниками, хотя это было не так. Но есть такие чудеса в жизни, когда друзья становятся твоей настоящей семьёй.

Родители Павла Кирсанова жили в Варшаве давно, бывая в Москве и в Санкт-Петербурге наездами с визитами к родне и друзьям. Не приехать на свадьбу к старшей внучке своих очень близких друзей и наставников они не могли.

У Павла уже хватало дел в варшавской клинике. Свободные два выходных - гигантская роскошь, если ты только начинаешь работать врачом. Обычно перепадает только один вечер на неделю. Право, чтобы младший и средний персонал называл тебя "Panie doktorze", пришлось зарабатывать аж восемь лет, не вылезая из учёбы и практики.

Кирсанов взял пустой бокал и налил себе минеральной воды. Жарко. Не лучшие условия для сладкого и газированного. Заметил, что мысли в обычных бытовых ситуациях сбиваются на профессию помимо его воли. Хотя он, конечно, не гастроэнтеролог. А ортопед.

По его врачебную душу пока, слава богу, пока проблем не возникло. Если только детская компания не добежится до каких-нибудь серьёзных травм.

Перестать быть врачом у него пока не получалось. Хотя дед шутил, что это едва ли ни главный навык - вне работы становиться обычным человеком. Иначе сердце не выдержит. И что у внука пока "фанатизм неопита". Что ж, деду виднее. Профессор-кардиолог, дед Кирсанов был, несмотря на солидный возраст, в отличной физической форме и по-прежнему много консультировал.

Павел встал чуть в стороне. Глянул в небо. Белый длинный след от самолёта на фоне яркого голубого летнего неба притянул взгляд. Красивая белая полоса называется совсем не романтично - "конденсационный след". Наверное, не заинтересуясь он всерьёз медициной, вполне мог бы стать пилотом. Но, как заметил все тот же дедушка Сергей Леонидович Кирсанов, кровь - не вода. Когда у тебя в семье уже есть по меньшей мере три поколения врачей, выбор этого пути кажется вполне естественным.

Взгляд заскользил по горизонту. Тёмно-зелёный контур леса на другом берегу водохранилища отражался в воде нечёткой линией. Чайки носились над водой. Смешанный подмосковный лес успокаивал мягким зелёным светом. Всё же глазам комфортнее, когда зелено.

Яркое пятно рыжих волос мелькнуло и исчезло за белым шатром, раскинутым на лужайке возле водохранилища. Павел проследил за пятном глазами. Это ведь не невеста. Валя Орлова, на чью свадьбу они все и приехали, была обладательницей рыжих волос. Но это не она. Ярко. Почти огонь, совсем не мягкая едва уловимая искра, как у его матери.

Рыжина - всё же рецессивный признак. А такая яркая - вообще редкость. Впрочем, волосы красили ещё древние. А ещё у рыжих пониженный болевой порог. И доза анестезии требуется другая. Всё это промчалось в голове у Кирсанова за считанные мгновения. Ноги сами понесли его посмотреть, кто же это ещё такой рыжий.

Глазеть в открытую было неприлично. Кирсанов просто прошёл со скучающим видом мимо группы гостей. Очевидно, что родня. Рыжеволосая яркая женщина отдалённо напоминала маму невесты. Скорее всего, сестра. Рядом с ней стояла такая же ярко-рыжая барышня. И задумчиво крутила в руках ножку бокала. Ох, ничего себе, у них наследственность!

Павел не сразу понял, что курсирует туда-сюда уже третий раз. Чёрт! Он никак не мог подобрать слово для описания оттенка этой нереальной рыжины. Теперь уже верилось, что вполне натуральной. Потому что девушка оказалась белокожей, сероглазой и с россыпью веснушек по лицу и открытым плечам.

Латинское название веснушек

- эфелиды, тоже вспомнилось не сразу. Видимо, голову следует проветривать чаще. Перегруз налицо. А вот цвет волос... Пожалуй, такого цвета были осенние листья. Что-то между терракторным и коричневым. Мозг заодно подкинул информацию из области ботаники. Каратиноиды и антоцианы, имеющие такие оттенки, есть в листьях всегда. Но видны становятся, только когда разрушается хлорофилл.

Кирсанов выпил остатки воды залпом. Вся эта история про рыжих не имела никакого отношения к области его интересов. Но, безусловно, забавляла. Как задачки по генетике, которые он научился решать ещё лет в десять. А вот статью по остеосинтезу стоило бы "причесать" и отдать здесь в Москве на рецензию мэтрам уже в понедельник. И лучше лично. Выразить, так сказать, почтение.

Сейчас же следовало переключиться на что-то менее серьёзное. Тем более, что есть приятная музыка, приятное место, хорошая еда и отличные люди, которых он знает всю жизнь.

Глава 2 Вера

Глава 2 Вера
Верочка Егорова стояла рядом с мамой и крутила в руках тонкую ножку бокала с шампанским. Волнение не отпускало. Свадьба - это особенное событие. Даже если она не твоя. Кажется, что в летнем воздухе разлито предвкушение любви и счастья. Вот и Верочкины родители познакомились как раз на свадьбе родителей нынешней невесты.
За троюродную сестрёнку Валью Орлову было радостно. Нашла она наконец своего принца. Очень красивая пара получилась. И видно, что их любовь - самая настоящая. Не подделка.
Свадьба у них вышла очень многолюдная. Потому что обе семьи оказались весьма обширными. Вере хотелось прочувствовать праздник. Вдохнуть его полной грудью. И забыть на это время обо всех проблемах. Но когда ты ставишь себе задачу о чём-то не думать, то непременно думаешь.
Вот и сейчас Верочка вспоминала недавний разговор с её парнем Димкой Обуховым. Муторный какой-то. Димка с маниакальной занудностью выяснял, кем же они с Валею друг другу приходится.

Дотошность - хорошее качество для юриста. Как и умение вникать в детали. Но Обухов был "король зануд". Его совсем не удовлетворил Верин ответ, что с невестой они троюродные. И принялся выяснять, по какой линии. Не рассказывать же ему всё их семейное дерево! Как объяснить, что они с Валею троюродные и по маме, и по папе? Верочкин папа - двоюродный брат Валиного отца. А Верочкина мама - двоюродная сестра с Валиной мамой. Они поэтому и похожи. Обе ярко-рыжие и сероглазые. И да, так бывает. Она не выдумывает.
Создавалось впечатление, что Димка расспрашивает не просто так. Никаких прямых данных не было. Но Вера чувствовала - что-то не так. То ли Димка обижается, что Вера его с собой на свадьбу к родне не зовёт. То ли есть ещё какая-то скрытая причина, почему он перевёл разговор с поступления в магистратуру на предстоящую свадьбу. Можно было бы отмести все свои сомнения, но, как говорит папин армейский друг дядя Ян, "жопометр зашкаливает".
С родителями, особенно с папой, она своими подозрениями не поделилась. Папа и без этого к её кавалерам относится весьма настороженно. А если сказать, что Димка мутит воду как раз перед магистратурой, расследования в исполнении отца, дяди Яна и дяди Кости, которые ещё с армейских времен именовались в узком кругу не иначе как Татарин, Мойша и Слон, точно не избежать. Это трио оставит от обидчика рожки и ножки. Фамилию не спросит. И никакие процессуальные нормы соблюдать не станет.

Вера глянула на свою маму. Какая же она красивая женщина! Без сомнений и компромиссов. Хотелось бы в её возрасте так выглядеть! И чтобы через столько лет на неё любимый мужчина смотрел бы так же, как папа смотрит на маму. Ярким, полным любви взглядом.
Мысли сделали круг и вернулись собственно к празднику. Всё располагало к отличному настроению. Красиво украшенные белые шатры. Яркое синее небо. Тепло и свежесть от водохранилища. У них в подмосковном коттеджном посёлке необыкновенно красиво и уютно. А Валечка теперь будет меньше тут бывать. Уедет в Болгарию к мужу. Ну или Филип вдруг переберется в Москву. Они оба творческие. Валя хореограф, Филип - архитектор. И очень красивые.
- Мам, а вот интересно, у Вали с мужем какие дети получатся? Рыжие или темненькие? - Вера тронула маму за локоть.
- Вас, Сухановых, даже если захочешь, не перебежешь, - раздался знакомый веселый голос, - Орлов бил-бил, не разбил. Егоров бил-бил. Ну, ладно, у Егорова чуть-чуть получилось. Ведьмы, потому что!
- Дядя Ян!
Вера не удержалась, кинулась на шею подошедшему другу семьи. Яна Горовица невозможно было не любить. Любая проблема или вопрос рядом с ним моментально теряли остроту. За словом в карман он не лез никогда. И припечатывал так, что не в бровь, а в глаз.
Взрослые переключились на свой разговор. Жена Яна - Юлия, формально приходилась Вере двоюродной тётёй. Но разница в возрасте была совсем небольшой.
А ещё

у Яна была мама. Все в посёлке звали Марию Давидовну просто бабой Машей. Эта женщина успевала кормить и воспитывать всех одновременно, не взирая на степень родства. Всех детей независимо от возраста, считала своими и воспитывала, как умела только она. Давая под зад не в наказание, а для придания уверенности и ускорения.

И прямо сейчас баба Маша, облаченная в сиреневый элегантный костюм и шляпку в тон, приближалась к ним, раздвигая толпу гостей как ледокол "Ленин".

- И что вы тут стоите, как памятник на площади? Кто-то следит за детьми? - сходу начала она "разведку боем".

- Да мама, там аниматоры, - дядя Ян был спокоен и выдержан. Ему не привыкать.

Верочка слегка напряглась. Она знала, что баба Маша - добрейшей души человек, но прямо сейчас она может узнать "немножко за покусать". Вера же с самого утра ничего от волнения не ела. И выпила уже два бокала шампанского. А соврать бдительной бабе Маше она не сможет. Говорят, это не самое лучшее качество для будущего юриста, когда он совершенно не умеет блефовать. Вера не умела.

- А кто следит за аниматорами? Вера, детка, отлипни уже от мамы, ты же не банный лист. Смотри, какой интересный молодой человек уже три раза как бы случайно прошёл мимо! Варвара, он не доктор? - не унималась баба Маша. От её взора не укрылась ни одна деталь. Вот кому бы в следственных органах работать. Она бы точно искоренила преступность.

- Не знаю, Мария Давидовна, - Верочкина мама Варвара Егорова слегка растерялась.

- А кто за тебя будет знать? Опять тётя Маша?

- Мама, отдыхай. Не мы же платим за свадьбу, - пытался отвлечь её Ян.

- Я прослежу за аниматорами. И узнаю, что это ходячее недоразумение там себе думает за Верочку, - пообещала она, удаляясь.

Янек с Варей рассмеялась. Верочка залилась краской. Потому что видела того парня. Он действительно её разглядывал. Но очень странным взглядом. Будто она не привлекательная девушка, а экспонат в музее. Вот уж точно - ходячее недоразумение.

Друзья, те, кто уже знаком с этим большим семейством, наверняка помнят этот эпизод. Я же с удовольствием позову читать "Цвет листопада" тех, кто ещё не в курсе истории Верочкиной семьи.

У меня есть отличная новость! "Цвет листопада" буквально на днях появилась из типографии в бумажном виде. Очень красивая книга! Её можно найти на Руграм-шоп и во всех маркетплейсах. Первый тираж небольшой. Так что, успевайте заказать!

Глава 3 Павел

Глава 3 Павел

Появление рядом отца Павел заметил не сразу. Это ж надо было так расконцентрироваться. Непростительно для хирурга. И означает только одно - пора в отпуск. Хотя на несколько дней. Уехать в Питер в старую квартиру, зашторить окна и спать! Столько, сколько будет спать. С перерывами на какую-нибудь лёгкую еду. Ничего не читать по работе. Может быть, посмотреть какое-нибудь старое кино.

- Что, Павел Витальевич, наделал ты шороху своим появлением, - Виталий Кирсанов хлопнул сына по плечу.

Павел - копия отца в молодости. Обращение по имени и отчеству было у них в ходу. Но это в России. В Польше не принято.

- Скажи, сын, как тебя раскололи?

- Не понял...

- Помнишь анекдот: "Уж лучше бабки у подъезда будут считать тебя наркоманом, чем узнают, что ты терапевт"?

- Так я и не терапевт. И при чём тут бабки?

- А при том, что одна очень солидная пани только что со всей пролетарской прямо-той спросила меня: "Ваш мальчик что, таки врач?" - Виталию Кирсанову было явно весело.

- И ты что ответил? Что я наркоман?

- Нет, упаси бог! Я сказал, что ты таки хирург. И папа у тебя хирург, и дедушка у тебя хирург, и прадедушка тоже хирург. Вот только бабушка - педиатр. *

- И зачем ей это?

- Хороший вопрос. Думаю, скоро узнаем. Выключай уже голову. Отдыхай. Продуктивность напрямую зависит от качества отдыха. Не мне тебе объяснять.

У Павла было, что возразить. Отец работал много и одержимо. Оперировал. Состояние послеоперационных больных мониторил круглосуточно. И преподавал. Но непонятно из каких душевных и физических кладовых брал силы на семью. Они с мамой ещё с самого детства занимались балетными танцами. И с тех пор, как поженились, танцевали в паре, делая перерывы только на поздние сроки двух беременностей. Сначала Анной, а потом и Павлом.

- Иди, Паш, потанцуй. Смотри, какая девушка без охраны, - Виталий Сергеевич развернул сына за плечи.

Та самая рыжая девушка действительно стояла одна рядом с танцполом. Язык тела ясно говорил - ей страсть, как хочется танцевать.

Быстрее, чем успел подумать, Павел возник у неё прямо за спиной. Девушка неожиданно оказалась высокой. А рыжина - абсолютно натуральной. У Кирсанова аж закололо кончики пальцев, так остро захотелось коснуться веснушек на нежных плечах.

- Разрешите Вас пригласить, - наклонился Кирсанов к акуратному розовому ушку с маленькой изящной сережкой. Украшение сверкнуло маленьким, но натуральным бриллиантом.

В Европе девушки почти не носят натуральные драгоценности. У немки сейчас в ушах были бы пластмассовые фрукты или ещё что-то вроде того. У польской девушки что-то вычурное от местного бренда Rosa.

Девушка почти подпрыгнула от неожиданности. Будь Кирсанов чуть ниже, получил бы затылком в челюсть.

Она удивлённо обернулась и распахнула свои огромные серые глаза в обрамлении длинных тёмных стрелчатых ресниц с медными кончиками.

- Меня? - удивление было вполне искренним. А смущение старательно спрятанным. Выдавали красные пятна на шее.

- Да, Вас. Отличная музыка для танца. Френк Синатра - классика, - Павел предложил ей свою руку. Отдыхать, так отдыхать. Тонкие изящные пальцы с красивыми ногтями легли в его ладонь.

*отсылка к фильму "Михайло Ломоносов": Барков Иван.
Батюшка - поп, матушка - поп, дедушка - поп.
"Автор едких пародий и эпиграмм, солёных сатир, и серьёзный учёный, оставивший заметный след в истории русской демократической культуры 18-го века."

Друзья, история родителей нашего героя Павла Кирсанова называется "Танцующие". Это первая написанная мной история. Она бесплатная. <https://litnet.com/shrt/Pb6u>

Глава 4 Вера

Глава 4 Вера

Это ж надо уметь - так подкрадываться! Верочка думала, что умением бесшумно появляться обладает только папин аримейский друг - дядя Костя Акимов, он же для своих - Слон. Хотя, какой Слон, когда лев. Ну или явно кто-то из кошачьих. На мягких лапках.

Этот парень, которого баба Маня назвала недоразумением, оказывается, тоже так может! Она аж подпрыгнула от неожиданности. И приглашения тоже не ожидала. Но отказать не смогла. Очень уж хотелось танцевать! И музыка такая вдохновляющая! И правильно он сказал - Синатра всё же классика. Это порадовало. Хотя музыкальный вкус у него есть, хоть и странный для молодого человека.

Руки у него оказались какими-то особенными. Одного взгляда хватило, чтобы впечатлиться. Ни у кого из Вериных знакомых парней таких рук тоже не было. Она бы сказала, что рабочие. Но... Нет. Чистые аккуратные ногти правильной формы... И не спортивные. Мозолей нет. Но этот парень явно работает ими. Где же? И как там баба Маша спросила? Не доктор ли он?

Вера глянула через плечо парню. Неужели? Баба Маня с довольным лицом наблюдала за ними.

- Вы врач? - брякнула наобум. Вместо того, чтобы имя спросить. Впрочем, он сам виноват. Мог бы и представиться.

- Врач, - подтвердил парень, глянув сверху вниз. Вере показалось, что чуть снисходительно. - Павел. Кирсанов, - реабилитировался тут же в Верочкиных глазах.

- А я Вера. Вера Егорова, - ответила она, отзеркалив. Их учили - чтобы расположить к себе собеседника, нужно повторять его фразы.

Двигался доктор Павел весьма убедительно. Вере показалось, что она могла его где-то видеть. Но не выяснять же это в танце. Банальщина какая! "Я Вас могла где-то видеть?". Подкат? Ещё чего не хватало.

Краем глаза глянула на родителей. Только этого не хватало. Сначала баба Маша что-то им доложила. Не иначе, как разузнала где-то подробности об этом самом Павле. Потом папа с дядей Мойшей обсуждали ситуацию. Горовиц смеялся. А вот выражение папиного лица не предвещало ничего хорошего.

- У вас очень красивый цвет волос. *Augum ordinarium*.

Вера была готова расплакаться. Обыкновенное? Он так сказал?

- Это просто название цвета. Латынь, - будто уловил её настроение Павел, - Но... Он очень редкий. По статистике рыжих всего один-два процента от населения. Где-то чуть больше, разумеется. Это рецессивный ген.

Вера чувствовала, что он хотел переспросить, знает ли она, что это значит. И вот сейчас был выбор: рассказать этому доктору, что она - призер всероссийской олимпиады школьников по биологии, или не стоит. Самолюбие требовало срочно рассказать. Несмотря на то, что успех-то уже не очень свежий. Она давно не школьница, хотя выглядит младше и иногда для солидности и надевает на занятия и встречи очки-пустышки. А вот разум будущего, уже почти дипломированного юриста шептал, что её "чувствовала" к делу не пришьёшь. И если прямого вопроса не было, не стоит принижать собеседника.

Итак, цвет её волос обсудили. Ещё и по-латыни. Не слишком романтично. Вот друг жениха сегодня сказал, что у них с Валеи волосы "цвета листопада". Но врачам, очевидно, латынь ближе, чем живопись или поэзия. Неужели этот доктор ещё больший зануда, чем Димка?

- С таким набором рецессивных признаков, как у Вас, обычно бывает ещё слабое зрение, плоскостопие, проблемы с зубами и родовой деятельностью. Дело в том, что соединительная ткань...

Вера уже почти задохнулась от возмущения. Что?! Зубы? Плоскостопие? Она мысленно проводила ревизию собственного организма. Самое обидное, что этот Павел был, черт возьми, прав. Брекеты Вера сняла только несколько месяцев назад. И да, у неё плоскостопие. Но кто дал ему право? Она не успела внятно среагировать. Сбоку раздался громкий хлопок и пошёл дым. То, как одним движением Кирсанов задвинул её себе за спину, впечатлило. Тут же дошло, чьих рук дело этот хлопок. Наверняка развлекались младшие Горовицы - близнецы Давид и Илья. Милитаристские игры - это в их стиле.

- Вы в порядке? - Кирсанов беспардонно оглядел её жёстким профессиональным взглядом, крепко взяв за плечи.

Вера вместо того, чтобы вмазать ему по наглой занудной физиономии, застыла столбом и покраснела.

- Я пойду гляну, нет ли пострадавших, - выдал Павел, как-то особенно мягко выговаривая шипящие. И отпустил Верины плечи.

Без его ладоней вдруг стало неуютно и холодно. Но разум тут же напомнил последнюю фразу. Вот говнюк! Зануда! Что он себе позволяет?!

Глава 5 Павел

Глава 5 Павел

Кирсанов ясно ощутил, как мгновенно переключается в режим "доктор" из режима "обычный парень". Беглого осмотра было достаточно, чтобы понять, что с Верой всё в порядке. Он с сожалением выпустил девушку из своих рук. И на какое-то мгновение перестал быть врачом. Следующую минуту потратил уже на выяснение ситуации.

Яркое накрашенную девушку на невероятных каблуках и в леопардовом мини, очевидно из родни жениха, утешал Михал Тухольский - тоже варшавянин и давний друг Кирсанова. Они переглянулись.

- Wszystko w porządku? (Всё в порядке?)

- Так. Nie martw się. (Да, не волнуйся)

По-польски звучало так тепло, будто он не в Москве, а в родной Варшаве. За собой Кирсанов знал - акцент его выдаёт. Несмотря на то, что дома говорили исключительно по-русски. Но школа была польская, почти все друзья - тоже поляки. От характерного произношения мягких шипящих за годы учёбы в России он так и не избавился.

Где-то в стороне несколькими мальчишкам что-то выговаривали Владимир и Жанна Орловы - дедушка и бабушка невесты. Вывод был простой - дети устроили весь этот переполох. Наверное, ничего опасного. Но это они не видели, какие травмы случаются при неосторожном обращении с пиротехникой! Можно остаться и без глаз, и без конечностей! Такие фокусы, как говорит отец, "до первой госпитализации в травматологию".

Стоило, наверное, вернуться к Вере, но тут как раз рядом оказался отец. И отказать себе в участии в разговоре с ним и ещё одним московским доктором-кардиологом Павел не смог. Тема была интереснейшая - особенности восстановления пожилых пациентов, имеющих патологии сердечно-сосудистой системы, после характерных для их возраста травм. Кирсанов-старший тут же сел на свой конёк - различие применения эндопротезирования и электречных имплантантов. Разговор плавно перетек в область травматологии. Павел в этих вопросах ориентировался как рыба в воде. Да и поговорить аж с двумя докторами медицинских наук вот так, почти на равных, было очень и очень лестно и занимательно. Тем более, что его мнение вполне серьезно слушали и задавали вопросы. Тут Кирсанова понесло. Он излагал основные задумки своей новой статьи для журнала "Травматология и ортопедия" весьма эмоционально.

Если бы ни мама, мягко намекнувшая, что тут вообще-то не медицинская конференция, а свадьба, они проговорили бы, наверное, ещё дольше. Павел отдышался. Хотелось записать мысли, которые пришли во время разговора. Но уйти с мероприятия раньше времени вроде как не очень вежливо.

Про Веру он вспомнил, когда было уже неловко подходить. А когда всё же нашёл её рыжую шевелюру, то обнаружил, что недостатка кавалеров у неё нет. Рядом тёрся какой-то болгарский гарный хлопец с золотой, шириной в палец цепью на шее и лаковых мокасинах. И ещё несколько смутно знакомых парней чуть старше.

Вера глянула на Кирсанова как раз в тот момент, когда он разглядывал её свиту. Не многовато ли надменности во взгляде? Она вообще школу-то закончила? Кто их разберет. Некоторые бывшие однокурсницы Павла выглядели как сорокалетние тётеньки, а некоторые - как их дочери. Фигурка у Веры вполне себе... А вот ноги.. Зачем она носит такие каблуки? С её-то вальгусной деформацией стопы! Обувь была совершенно безграмотно выбрана. Несколько тонких ремешков абсолютно никак её не фиксировали. Выхихи же очень долго заживают.

Глава 6 Вера

Глава 6 Вера

Кирсанов оставил Веру в лёгком недоумении. Что это было вообще? Не то чтоб "поматросил и бросил", но выглядело поведение этого якобы доктора весьма странно.

Видит бог, она ему в партнерши по танцам не напрашивалась. Но и в пациентки тоже!

Сейчас была возможность проанализировать всё, что этот депрессивный зануда успел наговорить. Мозг лихорадочно подыскивал какую-нибудь подходящую статью хоть какого-то кодекса Российской Федерации, но тщетно. Но по факту, Кирсанов сказал ей, что она генетический урод. Нет, он, конечно, так не сказал, иначе уже был бы с фингалом под глазом. Как там на его врачебном? С гематомой. Вот!

Бить нахалов по морде Веру учил папа. Правда, по-настоящему ей ещё ни разу не приходилось этого делать, а во по кожаной "лапе" получалось очень даже нормально.

В следующую минуту Вера уже вовсю мысленно оправдывала Кирсанова. Он же хотел сказать, что цвет её волос и цвет глаз - это редкость? Так? Просто как-то корявенько вышло с применением биологической терминологии. Не с девушкой же так разговаривать!

Была смутная надежда, что Павел всё же вернётся к ней и они продолжат общение. Но тот внимательно оглядел младших Горовицев. В том, что эти бойцы-диверсанты виноваты в переполохе, у Верочки и сомнений не было. Наверняка идею придумал Илья, а реализацию - Давид. Вообще ребята отчаянные. Но тут генетика. Куда ж без неё!

Кирсанов не вернулся, а продефилировал дальше и завис в чисто мужской компании. Верочка уже было интересно, о чём это он вещает, так эмоционально жестикулируя. Она даже попробовала применить свои знания из физиогномики. Но Кирсанов всем своим видом демонстрировал одно - чрезвычайную заинтересованность в обсуждаемой теме. Это легко читалось и безо всяких специальных познаний. Хотя Верочка успела на некоторое время почувствовать себя героиней сериала "Обмани меня". *

Следом за любопытством накатила злость. Если этот Павел Кирсанов выбирает не её, то с какого перепугу она должна стоять "памятником на площади", как выражается баба Маня? Не очень то и хотелось! Тем более, что на этой свадьбе потенциальных кавалеров вагон и тележка. Сколько бы она не изображала самодостаточную девушку, женское самолюбие требовали сатисфакции. И немедленно!

С Обуховым никогда особо не удавалось почувствовать своё превосходство. Димка всё время с ней будто соревновался. В любом обсуждении, а тем более в споре, ему хотелось сказать последнее слово. И непременно доказать, что у него вариант сложнее и доказательная база круче и вообще "трава зеленее". А вот с Кирсановым всё же возникло смутное ощущение, что соревноваться с ней он вообще не намерен. Но, похоже, просто потому, что не увидел в ней достойную личность.

Так или иначе, но Верочка решила, что общество друга жениха, того самого, что весьма поэтично выразился о цвете их с Валентиной волос, подходило к её цели как нельзя лучше.

Парень оказался архитектором. По-русски не говорил, несмотря на близость с болгарским, зато по-английски общался весьма бегло. Вере стоило поблагодарить маму и папу за настойчивость и качество её образования. Английским и французским Егорова владела весьма и весьма прилично. В этом кавалере её слегка смущала бритая голова и "голдовая цепура" с массивным крестом. Но кто их болгар знает. Может, так у них принято.

Болгарский архитектор сменился на компанию знакомых с детства ребят. Кто-то чуть старше, кто-то младше. Рядом с ними Вера чувствовала себя подростком. В какой-то момент она всё же не удержалась - нашла взглядом Павла. И если признаться себе честно, за весь вечер ей так и не удалось выбросить этого зануду с забавным акцентом из головы. Верин взгляд буквально наткнулся на глаза Кирсанова. Тот как-то бегло оглядел её лицо, а потом вполне критически - ноги. И завис явно на ступнях. Как там он сказал? Плоскостопие?

И Вера решительно зашагала в его сторону.

- И что же такого интересного Вы нашли в моих ногах, доктор? - она вложила в этот вопрос максимум

сарказма.

- Ноги..., - и нахал Кирсанов изобразил обеими руками вполне узнаваемую букву "икс". Вера аж вспыхнула! Хам!

- У Вас вальгус, я уже говорил. Если простыми словами, ноги иксом. И такие каблукки могут привести к травме. Надо что-то поустойчивее. А не вот это, - Павел с самым серьёзным лицом кивнул на Верины чудесные босоножки в греческом стиле на тонких высоких шпильках, - стопа заваливается...

- Мои ноги ровные! Сам ты иксом! В голове у тебя вальгус! Понял?

Верочка круто развернулась и ринулась прочь. Боже! Надо же быть таким хамом! Вальгус! Слово то какое противное!

Глава 7 Вера

Глава 7 Вера
Что такое диплом бакалавра? Недодиплом! Особенно для юриста. И если претендовать на какое-то серьёзное место в юридическом сообществе, то нужна не просто магистратура, а еще и аспирантура с учёной степенью по итогу. И огромной загадкой для Верочки было, почему мест в магистратуре примерно в половину меньше, чем выпускников бакалавриата на этом же факультете. Ребята со средними способностями у них не учились. Поступить было адски сложно. Конкурс колоссальный. И учиться очень тяжело. Бюджетных мест вообще по пальцам одной руки. Платники проплатили своё обучение ещё в конце весны. Егорова в том, что её возьмут на бюджет, была уверена на тысячу процентов. Ну хотя бы потому, что она всё время обучения в рейтинге курса была в первой пятёрке. То выбиваясь чуть вперед, то спускаясь на одну-две ступени. Закончила на строчку выше Обухова, после чего он долго дулся. Как будто это Вера сама составляла этот рейтинг и специально поставила его на одну ступень ниже. Конечно, можно было попросить папу. И он бы оплатил платную магистратуру. Но тут было два момента. Во-первых, это было по самолюбию. Все четыре года бакалавриата Егорова пахала как проклятая, преодолевая в том числе и гендерные стереотипы. А во-вторых, четыре года назад папа был против юридического факультета. Но Вера настояла на своём. Теперь надо доказывать свою состоятельность. Взялась - делай. Гребни лапками, как говорила мама. Сколько заявлений подано на бюджет, было известно тоже давно. Никаких "варягов". Только свои. Осталось дожидаться приказа. И всё. Море. Солнце. Обухов звал поехать вместе в Сочи. Вера сомневалась. Верусь, - (на самом деле, Егорова терпеть не могла эту сюсюкающую форму своего имени, и Обухов об этом знал), - ты помнишь про собрание для будущих магистрантов? Третий корпус двести пятая. В пятнадцать завтра. Заехать за тобой? Что-то в Димкином тоне было не так. Но что? Собрание. Да, точно. Это зам декана объявляла. Значит, это просто её собственное раздражение на "Верусю". Какая она, к бесу, Веруся? Это прям название вируса какого-то. Она же не зовёт его Димасиком. Хотя вот прямо сейчас, наверное, стоило бы. Не, не надо. Я сама приеду, - Вере не нравилось ездить с Димкой. И Обухов об этом знал. Водил он опасно и нагло. Поворотник не включал, видимо, считая, что маневры его не очень свежего Мерседеса остальные должны угадать. Ругал всех водителей вокруг себя. Все у него были "твари косорукие", "курицы слепые" и "мудилы колхозные". Перебрав в уме все самые частые фразы Димки-водителя, Вера очередной раз убедилась, что люди вот так эмоционально реагируют именно на собственные недостатки в других людях. Обухов был из тех, у кого светлая голова и острый ум сочетались с абсолютно не из того места растущими руками. Будто он левша, но обе руки у него правые. Зрением тоже не блистал. Но носил линзы. А очки держал в портфеле для солидности. Но тут, что уж греха таить, Вера позаимствовала прием придания внешности более солидного вида. И тоже носила очки, но пустышки. Ну и как вишенка на торте, родители Дмитрия Олеговича Обухова были из того самого колхоза. И в свое время приехали в столицу учиться и "завоевывать". Вера положила трубку. Побродила по квартире. Мутная тревога плескалась где-то в районе живота. Можно было бы, конечно, заесть это дело. Пара кусочков колбаски вполне могли бы помочь. Такой копчёной. Но лучше на чёрный хлебушек. И огурчик. Томатный сок тоже пригодился бы...

Она открыла холодильник. Огядела содержимое. Грустно взяла с полки греческий питьевой йогурт и целый огурец. Если она хочет так влезть в чудесный полосатый деловой костюм, надо бы скинуть вес. Чуть-чуть. Максимум пять кило. Она подошла к большому зеркалу. Огядела себя с головы до ног. На них остановилась подробнее. Как там этот

недодоктор выразился? Вальгус? Нормальные ноги. Димке, например, очень нравятся! А кому не нравятся, тот пусть и не смотрит!

Глава 8 Вера

Глава 8 Вера

На собрание Егорова приехала немного заранее. Она терпеть не могла опаздывать. Мама всегда подчеркивала, что время, свое и чужое, нужно уважать и ценить, ибо оно - ресурс непополняемый. А пунктуальность - это именно про уважение.

Найти нужную аудиторию не составило труда. Третий корпус. Двести пятая. Вера глянула на часы. Странно, что нет никого до сих пор. Их куратор обычно приходит заранее.

Когда часы показывали уже пятнадцать ноль семь, Егорова всерьёз беспокоилась. Набрала номер Димки. Тот не отвечал и сбрасывал на автоответчик. Написала сообщения. В одном мессенджере появились две галочки. Но ответа не последовало. В другом уже только одна. И тоже тишина в ответ. И где его носит? И что вообще происходит?

В животе чувствовался тяжёлый ком предчувствия чего-то весьма нехорошего. Пульс переместился в виски и застучал там тяжёлыми ударами. Руки стали холодными и липкими, а ноги ватными. Встать не вышло. Голова закружилась, и перед глазами потемнело. Вот только этого сейчас и не хватало - рухнуть здесь, в пустой аудитории. Тогда её ещё и никто не найдёт.

"Греби лапками", - сказала Вера себе и попыталась успокоиться. Папа всегда говорит, что паника - главный враг в сложных ситуациях. Но как её преодолеть? Вера всегда считала тех, у кого случаются панические атаки, просто нервными. Ну, что значит "атака"? Кто атакует? Неужели нельзя собрать себя в кучу? Но сейчас поняла, что это вообще не повод для критики. Паника была осязаемой. Настоящий видимый враг, который атаковал в ответственный момент.

Вера пошарила в сумочке. Там должна была быть конфетка. Когда дрожащие пальцы нащупали фантик, она обрадовалась, будто вытянула счастливый билет. Засунула конфету за щеку. И старательно задышала "квадратом".

Вот теперь можно было и попробовать встать. И подумать, куда идти. Первое, что пришло в голову - пойти в главный корпус в деканат. Там же наверняка знают, что произошло. Мозг лихорадочно генерировал варианты. Возможно, она перепутала дату и время. Но это маловероятно.

Пальцы с трудом ещё попадали по экрану телефона. В "Календаре" на сегодня стояло мероприятие. Время верное. Тогда номер аудитории. Или корпуса. Всё это просто нужно у кого-то спросить.

Егорова наконец смогла встать. Держась за мебель и стены, добралась до двери. Коридор был пуст. Никаких признаков, что тут недавно были люди. Разве что, уборщица. Пол был мокрый.

Вера подошла к окну, рывком открыла. Задышала, как выброшенная на берег рыба. Стало ещё легче. Сделала ещё одну безуспешную попытку позвонить Диме. Тишина. "Абонент вне зоны действия сети".

Зашла в туалет. Плеснула на лицо холодную воду. Глянула на себя в зеркало. Ох, краше в гроб кладут! Круги под глазами. Бледная. Но надо найти это чёртово собрание. Вдруг там что-то важное.

На то, чтобы добраться до главного корпуса по переходам и лестницам у Веры ушло время. Иногда она поглядывала на телефон. Получается, Обухов отключил свой. Иначе никак не объяснить его молчание.

Около деканата обнаружилась Елена Васильевна Маркелова - куратор курса.

Елена Васильевна! - кинулась к ней Вера со всей поспешностью, на которую была способна, - А где собрание?

Какое собрание, Егорова? То, которое закончилось три часа назад?

К-как?

Вот так! - во взгляде куратора был холод. Впрочем, Маркелова никогда не благоволила Верочке, больше продвигая юношей. Из всех претендентов на бюджетную магистратуру, Егорова была единственной девушкой.

Но Обухов мне передал, что в пятнадцать!

Обухов сказал, что вы, скорее всего, задержались на маникюре.

Я? На маникюре? - Вера на автомате подняла выше кисти рук.

Прекрасный результат! - саркастически бросила Маркелова.

Это... Это..., - Вера вдруг растерялась. Мозг отказывался соображать, - Это я на свадьбу делала...

Вот, Егорова, что и требовалось доказать. Выходите замуж. Зачем вам магистратура? Вам же не в армию. Да и профессия

юриста не для молоденьких хорошеньких девушек. Мужу и правда образование нужнее. А вы за Обуховым будете как за каменной стеной. Количество бюджетных мест сокращено. О чем мы сегодня и проинформировали. Руководство приняло решение Вас к зачислению за счёт бюджетных средств не рекомендовать.

 Но это несправедливо! - Егорова отказывалась верить в услышанное. А как же её достижения? И почему именно её "урезали"? И что такое про неё наговорил Димка? Какой маникюр?

 Всё, Егорова, не истерите. Решение принято.

 А как же..., - Вера была готова расплакаться и не могла выдать ничего конструктивного.

 Ну, - Маркелова глянула на Веру, сместив очки на самый кончик носа, - попробуйте где-то ещё. Если считаете, что достойны.

 Она развернулась на каблуках, крепко прижав к себе документы, и цокая каблуками, пошла прочь по коридору, оставив Веру стоять в полной растерянности и недоумении.

Глава 9 Вера

Глава 9 Вера

Попробовать где-то еще? Как это? Ей? Где-то ещё? Блин, как есть хочется! Сейчас бы пирожок с повидлом, как у бабы Мани. Или с вишней. Такие печёт тётя Даша - мамина сестра. И погладить кошку.

Вера невероятным усилием воли остановила поток мыслей. Сдавила виски пальцами. Что за ересь она сейчас про пирожки думала? Хотя, пирожок и правда был бы кстати. Как там было в анекдоте? Хочется национального, холодного и острого. А кинжал в жопу не хочется? Вот метнуть ножичек в Обухова прям захотелось. Аж ладони зачесались. У них в посёлке все дети умели метать ножи. Папы не зря в погранвойсках служили. Вера, конечно, не так, как братья Горовиц, но в этого дебила точно не промахнется. Попадись он ей, не дай бог, на дороге!

От кровожадных мыслей стало полегче. Вот только вопрос это никак не решало. Надо бы остыть. И действовать с холодным умом. Что она имеет?

До холодного ума Егоровой было ой как далеко, но здравая мысль всё же пришла. Надо спросить про приказ о зачислении. Если был, то шансов точно нет. А если не было - можно попробовать "через голову" куратора прямо к декану.

Про платный вариант тоже есть смысл спросить. Унизительно, конечно. И деньги. У неё есть крохотная подработка в юридической фирме. Но этого конечно не хватит. Кредит? Можно попробовать. Совсем крайний случай - просить у родителей.

Пока Вера добралась до двери деканата, до неё горячей волной дошло: она не будет тут учиться! Ни за какие коврижки! Даже если ей ещё и сверху приплатят. На одном поле с Обуховым она теперь даже дышать не сможет. Не то что учиться. Чёртов говнюк!

Егорова уже протянула руку к двери деканата, но одернула, как от ядовитой змеи. Как там сказала Маркелова? Где-то ещё? Что ж, так тому и быть! Не оставаться же здесь!

На самом деле, приличных мест "где-то ещё" было немного. И самое приличное - юридический факультет СПбГУ. Кузница кадров высшего государственного руководства.

Из здания университета Вера выскакивала, на ходу набирая номер питерского юрфака. На смену заторможенности пришла яркая активность. То, что это очень плохо, Вера отметила про себя. Но решила, что успеет хоть что-то узнать прямо сейчас, до того, как снова наступит бессилие.

- Добрый день! Я хочу узнать условия поступления в магистратуру, - Вера сама удивилась, что получилось не дрожать голосом, не экать и не мекать, - Из Москвы. Да, к вам. Красный диплом.

На той стороне хмыкнули. Но попросили минуту ожидания. Вера притормозила. Рухнула на первую же лавочку. Ноги снова наливались свинцом. Автоматически достала блокнот и ручку, вдруг надо будет что-то записать.

Через очень-очень долгую минуту ей продиктовали адрес электронной почты куратора магистратуры, куда следовало прислать все документы и все её студенческие работы и достижения. Сообщили, что срок рассмотрения - неделя, что общежития нет, к сожалению, и очень душевно пожелали удачи.

Вера положила трубку. Силы стремительно утекали. Следовало бы попасть домой во вменяемом состоянии до того, как теоретически может нагрянуть истерика. Адрес куратора стал расплываться. Слёзы, горькие и обидные, покатались из глаз крупными каплями. Совершенно неконтролируемо.

Егорову хватило на то, чтобы вызвать такси. Уже в машине по дороге домой, она прислонилась лбом к холодному стеклу.

- Не переживайте, девушка, - посмотрел на неё через зеркало заднего вида пожилой водитель, - У Вас всё обязательно будет хорошо. Вот увидите! Даже если сейчас кажется, что всё очень и очень плохо! Вы вспомните, наверняка в вашей жизни много хорошего. Такого, чего нет у других. Вспомните и цените.

- Спасибо, - прошептала Вера сквозь слёзы.

И правда, у неё есть очень много такого, чего нет у огромного количества народу. Вспомнился социальный эксперимент про различие стартовых возможностей. Группу участников строили в ряд. Потом предлагали сделать шаг вперёд тем, кто из полной семьи, потом ещё шаг тем, кто не голодал, ещё шаг тем, у кого была своя комната, ещё шаг тем, кто имел возможность путешествовать.

У неё, Веры Ярославовны Егоровой, стартовые позиции были весьма впечатляющие. И она не может сдаться сейчас.

Глава 10 Вера

Глава 10 Вера

Когда такси въехало в посёлок, Вера почти уже успокоилась. Но возле собственного дома её снова охватила странная тревога. Под навесом стояла мамина Тайота. Папиной машины не было. Велосипед её младшего брата Макса тоже отсутствовал. Значит, он где-то с друзьями. Благо, компания у него обширная. С одной стороны вольница, а с другой - со всех сторон пригляд. Макс, собственно, он уже не требовался. Между десятым и одиннадцатым классом всё же самое беззаботное лето. Никаких экзаменов и тревог.

Вера вздохнула. Хорошее было время! Но тогда она его не очень ценила. Всё старалась быстрее повзрослеть. Успеть добиться успеха. Доказать всем, что её мнение правильное. И что теперь? Как рассказать, что успешный успех раскололся, как старый глиняный горшок? Может, и хорошо, что нет папы и Макса. Иначе они быстро раскрутили бы её на подробности произошедшего сегодня. И тогда... Ой, лучше бы и не думать, что тогда было бы. Пел бы Обухов до конца жизни фальцетом. Если бы жив остался.

Вера успела вытереть слёзы и войти в дом. Зрелище в холле заставило её встать столбом.

Она потеряла глаза. Это же ей кажется? Так перенервничала, что глюки? Или такая фиговая реальность? По сравнению с этим картина Сальвадора Дали "Постоянство памяти" - реализм. А вот то, что она сейчас видела собственными глазами - сюрреализм! Жуткий!

На светлом ковре лепестками роз было выложено красное сердце. В середине стоял довольный Дмитрий Обухов собственной персоной. В руках он держал букет из очень длинных бордовых роз количеством примерно двадцать - двадцать пять. Вера успела подумать, что этот debil так и не выучил, что розы она любит нежно-розовые. А ещё больше - пионы и ирисы.

Увидев Веру, Обухов улыбнулся улыбкой человека, который абсолютно уверен в своей правоте. Неловко переложив букет себе на локоть, полез в карман. Извлёк оттуда коробочку такого же бордового цвета. Будто шторы в театре оперы и балета. И подтянув штанину своих безупречных брюк, не очень изящно встал на колено, будто делал "выпады" в спортзале и так и застыл.

- Вера, ну вот... Я решил, что хочу, чтобы ты стала моей женой, - выдал Обухов. Было очевидно, что "на одном колене" - не самая устойчивая для него поза. Тем более, с большим букетом наперевес в одной руке и коробочкой с кольцом в другой.

Вера решила досмотреть этот цирк до конца. Вот так, значит? То есть, ей учиться не надо. Надо выйти за него замуж? Он хочет? Она так и стояла молча. Пауза затягивалась.

- Вер, скажи что-нибудь... Я ж старался. Кольцо вот. Камень там, все дела. Цветы дорожные! - На лице у Димки не было ни тени сомнения или сожаления. Вера ясно ощутила прилив ярости.

Шагнула вперёд и взяла у Обухова букет. Тяжёлый, зараза. Димка вздохнул с облегчением и встал. Но тут триумф в его глазах сменился страхом. Вот это правильно! Бойся, тварь такая!

В этот момент Вера похвалила себя. Не зря она руки в зале качала. Сил хватит теперь на правильную реакцию.

Глядя прямо в вылезающие из орбит от неожиданности глаза Обухова, Вера вместо того, чтобы сделать шаг вперёд и взять кольцо, наоборот отступила на пару шагов и перехватила букет двумя руками так, как держат теннисную ракетку. Удар справа всегда давался ей неплохо. И видит бог, если бы голова Дмитрия Обухова была теннисным мячиком, это была бы отличная подача! Получив тяжёлыми цветами по морде, он схватился за поцарапанную щеку.

- Стерва! Я для тебя старался! Нахрена тебе универ? Научись лучше пирожки печь! Или борщ!

Вот это он, конечно, зря рот раскрыл. Слева Вера Егорова тоже хорошо била. А размер букета как раз подходящий. Увернуться Обухов не успел. Ему снова прилетело.

- Вон!!! - заорала Вера, что были сил. На последней ноте голос охрип, - Пошёл отсюда, предатель! И веник свой заberi! Не попадайся мне на глаза! Потеряйся так, чтобы духу твоего не было! И молись, чтобы мой отец тебя не нашёл!

- Дочь... А что это было? - тихий мамин голос раздался со стороны кухни, когда Вера с силой шарахнула входной дверью

за спиной скатившегося кубарем с лестницы Обухова.

- Ты что, снимала? - у Веры совсем не осталось сил, она сползла на пол по стенке.

- Он попросил заснять...Такой момент, - Варвара Егорова была явно ошарашена, - Папе сейчас позвонить? Или ты дашь гаду уйти?

- Папа убьёт, если догонит, - выдохнула Вера.

- Точно... Побережем папу. Сами зароем, - Варвара обняла дочь, - Расскажешь?

Глава 11 Вера

Глава 11 Вера

Рассказывать папе, дяде Яну и дяде Косте всё же пришлось. Но стараниями мамы аж через сутки, когда бешенство и истерика потихоньку улеглись и уступили место холодному равнодушию. Поэтому получилось не так красочно. И это, возможно, спасло жизнь идиоту Обухову.

Вера, возможно, сама бы ни за что не пожаловалась. Гордость бы не позволила. Это ж надо было - доверять такому придурку! Мало того, считать, что они отличная, красивая и успешная пара. Оба умные и перспективные. А в результате вляпаться в такое говнище! Да ещё и с фатальными для себя последствиями.

Но выкатывающегося из их двора Обухова, который не стеснялся демонстрировать своё истинное лицо, прекрасно видела и слышала баба Маня.

- Варенька, а почему этот поц бежал сейчас от нашей Верочки так, будто ему натёрли тухес* скипидаром? И что таки случилось, что его грязный рот открылся на нашу фейгеле**? - поинтересовалась она у Верининой мамы.

Сама Вера молчала, опустил глаза в пол и мучительно краснея. Варвара коротко объяснила суть претензий к поцу.

Вера сама не видела, но кажется, что Обухов удирал на второй космической скорости. Иначе ему бы неминуемо прилетело от грозной бабы Маши.

- Верочка, не расстраивайся из-за адиетов никогда! - провозгласила баба Маша, выслушав, - От них только одна польза - они дарят опыт и улучшают зрение. Это потом сильно экономит время. Я уже не говорю за нервы. И ты с первого взгляда начинаешь видеть, что приличный фаршмак из этой селёдки не выйдет. То, что шлимазл*** выучил умные слова, еще ничего не означает! Он всё равно таки не доктор!

Верочка в этот момент тут же вспомнила того, кто был "таки-доктор". И снова посмотрела на свои ноги. Похоже у неё не только вальгус, но и с головой не всё в порядке. А это уже диагнозы куда серьезнее.

Ждать, что баба Маша удержит новость при себе, было бы странно. Хорошо ещё, что Верин отец с друзьями в тот день были заняты до позднего вечера.

И всё же, подробного изложения всех обстоятельств, включая время событий и точного цитирования всех участников, ей избежать не удалось.

Ярослав Егоров шурился и молчал.

- Нет, Татарин, ты где-нибудь ещё видел таких дообоящеров? - Ян Горовиц поднимал глаза в небо, - Как думаешь, может его таки пристроить послужить Родине? А то смотри-ка, нашли себе тёплую нору за чужой счёт.

Константин Акимов поочерёдно сжал кулаки размером и весом с приличную гирию.

Всё это в совокупности не означало для Дмитрия Обухова ничего хорошего. При самом благополучном исходе ему вежливо объяснят, что именно он сделал в этой жизни не так, и что он совершенно не достоин внимания Веры Ярославовны. О том, что ещё не самого приятного могут сделать с человеком, обидевшим её, эти трое, Верочке Егоровой даже думать не хотелось.

Но главное - Вере хватило сил в тот же вечер под маминым тихим контролем отправить в Петербургский университет всё, что от неё хотели. Варвара помогла дочери составить чёткое мотивационное письмо. Оставалось надеяться, что ей ответят.

Дни тянулись словно резиновые. Вера не могла ничего делать. Металась по своей комнате из угла в угол. Почти не ела. И спала тревожно какими-то урывками.

За это время она промотала в голове все их разговоры с Димой. Проанализировала каждое слово, каждый жест и каждую интонацию. Выводы были неутешительные. Обухов нагло врал. Теперь это было совершенно очевидно. И если бы была возможность посмотреть на него в замедленном темпе, Вера наверняка бы это поняла. Хватило бы знаний. А она как дурочка верила ему! Расслабилась! Где её хваленый профессионализм был, когда это было действительно важно?

Ответ из Петербурга пришёл всего через три дня. Весьма лаконичный. Но от простых слов: "Вы рекомендованы к зачислению" с души свалился гигантский камень. Всё. Она будет учиться. И вот теперь посмотри, кто кого!

*тухес - задница

**фейгеле - птичка

***шлимазл - неудачник

Глава 12 Павел

Глава 12 Павел

Диссертация буксовала. Павел злился. Просматривал расчёты и статистику снова и снова. Как там в том, что считается пословицей? «Было гладко на бумаге, да забыли про овраги, а по ним — ходить». Кирсанов уже интересовался. Это не пословица, а строка из стихотворения Толстого, того, который Лев Николаевич. Он написал его во время Крымской войны, в ходе обороны Севастополя, участником которой был. И в оригинале: "Чисто писано в бумаге, да забыли про овраги, как по ним ходить."

Мелочь, конечно. Но отец всегда говорил, что уж если что-то доказывать, то делать это строго. Или не браться за это дело совсем. Как в математике. А уж если цитировать, то дословно и точно помнить, кого именно. Да, это было занудство. Но врач, а тем более хирург, обязан быть занудой. И не имеет права на неточности и приблизительность ни в действиях, ни в выводах.

Клиническая апробация требовала времени. И базы. А база была сейчас в Санкт-Петербурге. Только там, под крылом отцовских однокурников и совместно с однокурсниками собственными, был шанс получить хоть какие-то внятные результаты и сделать выводы. И хоть какую-то приличную статистику без всяких недоразумений.

А ещё в Петербурге была его нора. Хотя это конечно мажорские замашки - называть норой четырехкомнатную бывшую коммуналку в старом фонде прямо на Большом проспекте Васильевского острова. Ленинградское гнездо Кирсановых-Валевских с портретами прабабушек и прадедушек на стенах, шкапами, набитыми под завязку букинистическими медицинскими изданиями едва ли не с ятями, и альбомами с детскими фотографиями папы и тетушек-близняшек.

Эту квартиру Павел обожал, холил и лелеял в меру своих сил. Прожил там всё время обучения в университете. Хотя петербуржцем по рождению не был, а родился, когда родители уже жили в Варшаве. И именно польскую столицу считал родным городом. Себя - варшавянином. Чувствовал себя там как рыба в воде. Но в Петербург всё равно тянуло. Время от времени просто невыносимо. Хоть бросай все дела и отправляйся в аэропорт к ближайшему рейсу.

Но сейчас нельзя было позволить себе никакой импульсивности. Сначала чёткий план: что именно и за какой срок он собирается сделать в Питере. И только потом: чемодан, самолёт, Васильевский остров.

Кирсанов писал этот план так, будто от него зависела вся его жизнь. Скупuleзно, иногда даже слишком детально. Хотя, если вдуматься, то так оно и было. Вся его дальнейшая жизнь врача ортопеда-травматолога зависла именно от этих исследований. Если не получится, то впору уходить бумажки перекладывать. Думать про это "если" не хотелось категорически. А придётся.

Отец всегда учил просчитывать все варианты. Как в шахматной партии. И иметь не только "План Б", но и "План В", а если понадобится, то и "План Г". И шутил, что это, конечно, полное "Г", если дойдёт до "Плана Г".

Уезжая в аэропорт, Кирсанов пытался дозвониться до отца. Но тот был в Хельсинки на очередном симпозиуме, а потом там должен был оперировать плановых больных. Послушав в телефоне гудки, Павел разумно решил, что Виталий Сергеевич на операции. Собственно, план поездки был согласован с ним. Так что, осталось потом отчитаться о прибытии.

Неприятности начались ещё по дороге. Кирсанов успел пожалеть, что взял такси. На шоссе в сторону аэропорта случилась авария. Мигали огнями скорые. Павел подавил желание выйти и узнать, не нужна ли помощь. Медики на месте. А соваться под руки к коллегам - последнее дело. Он и без того опаздывает.

Летел он русской авиакомпанией с вполне бодрым названием и более менее нормальными ценами на билеты. Даже с зарплатой врача университетской больницы много за границу не налетаешься. Электронная регистрация в Варшавском аэропорту для иностранных авиакомпаний не работала. Надо было идти на стойку.

Багажа с собой не было. Только сумка с самым необходимым и ноутбук. Без него как без рук. Милая девушка указала на колибратор. Павел со свойственной ему дотошностью дома изучил правила провоза ручной клади. Измерил и взве-

сил сумку. Всё было по правилам. Но тут сумка почему-то отказалась помещаться в железную клетку колибратора. Доплачивать вообще не хотелось. Девушка смотрела на Кирсанова без сожаления. Мол, это твои проблемы.

 Но тут же совсем чуть-чуть не помещается, - Павел сам себе удивился, что сказал это.

 Но не помещается же, - равнодушно пожала девушка плечами.

 Может, у Вас там есть что-то из одежды, - подсказала Кирсанову пани почтенного возраста, - Можно просто надеть. Жарковато. Но в самолёте будет прохладно.

Павел пытался сообразить. Джинсы поверх шорт надевать как-то странно. Свитера там точно нет. Он рывком расстегнул молнию. Сверху, аккуратно сложенная в пакет, лежала его счастливая хирургическая пижама. Зелёная. Заношенная. Но, как верил Павел, приносящая успех на операции.

Он вытащил пакет. Делать нечего. Он и так задерживает очередь. А до конца регистрации несколько минут. Да, это, наверное, смотрелось смешно. Хирургическая пижама прямо поверх летней одежды. Но зато сумка чётко поместилась в железный ящик. Девушка кивнула, сдерживая улыбку. И выдала посадочный талон. Павел глянул и чуть не застонал - место " В". В середине. С его-то ростом!

Глава 13 Павел

Глава 13 Павел

После регистрации Павел снял хирургичку. Теперь придётся стирать. И гладить. Оставалось надеяться, что на посадке авиакомпания снова не проверит объем сумки.

Гейт назначили самый дальний. Пассажиров оказалось много. Хотя рейс совсем не самый удобный. Ночной.

На выходе при проверке посадочных талонов та самая девушка с регистрации улыбнулась, увидев Павла без хирургической пижамы. Но проверять сумку ещё раз не стала. На этом везение Павла Кирсанова кончилось.

Самолёт стоял где-то в дальнем углу стоянки. Подали автобус. И пока все пассажиры не вышли, ждали. Когда Павел попал в салон, все багажные полки были уже забиты. Кирсанов недоумевал, откуда взялось столько вещей, если ограничения такие серьёзные. Свою сумку с ноутбуком пришлось пристроить на несколько кресел дальше. Хорошо, что рост и сила позволяли справиться.

Стюардесса посмотрела на Павла, как-то тяжело вздохнула и пошла в другой конец салона помогать запихивать чемодан толстого подростка, чья мамаша требовала помощь экипажа для "своего мальчика". Мальчик, по разумению Кирсанова, вполне мог справиться и сам. Но проблемы с воспитанием не позволили.

Место Кирсанова было между молодой девушкой в больших наушниках и крупной тёенькой. Через проход устроился муж этой дамы. Кирсанову пришлось попросить её подняться, чтобы сесть. Та глянула на него недоуменно. Павел и сам с трудом понимал, как поместится в кресло. Тем более, на нем уже стоял рюкзак. Очевидно, пассажирки у окна. А когда всё-таки уселся, то понял, что два часа нужно будет просто сидеть. С надеждой поработать точно придётся попрощаться. Ноутбук в сумке, сумка на полке. Как в сказке про Кашееву смерть.

У девушки из-под наушников было слышно какой-то бит. Это неприятно, когда и музыку не слышно, и звук раздражает. Тёенька справа достала из сумки очень пахучие сэндвичи себе и мужу, едва самолёт набрал высоту. У Кирсанова свело живот. От резких запахов замутило. Из-за того, что он поздно приехал в аэропорт, поесть перед рейсом не удалось. Ну да ему не привыкать. Вот доберётся до дома, тогда и поест.

Когда самолёт наконец приземлился в Пулково, по иллюминаторам барабанил основательный дождь. Своих ног Кирсанов уже реально не чувствовал. На пограничном контроле работало всего два окна. И батарея в телефоне, как назло, разрядилась окончательно. Бегать со шнуром уже не хотелось. Единственным желанием было добраться до дома и рухнуть спать. Хотя нет, поесть для начала.

С севшим телефоном о заказе такси можно было забыть. Налички не было. Значит, придётся шуровать на метро. Утром рабочего дня - удовольствие сомнительное.

Кирсанов подумал, что если вот так, за один полет, он успел собрать все возможные неприятности, то есть шанс, что хотя бы по работе всё сложится нормально.

Добравшись автобусом до ближайшего метро, Павел зашёл в первую попавшуюся кофейню. Купил эспрессо. Махнул одним глотком. На голодный желудок кофе вштырил в мозги моментально, вызвав не самые приятные ассоциации с ночными дежурствами. Зато почти расхотелось спать, и до "Василеостровской" он доехал, разглядывая утренних пассажиров. Не пялиться же в чёрный безжизненный экран телефона.

До дома пошёл пешком. Ноги гудели после перелёта, нужно было хоть чуть-чуть размяться. Зашёл под арку во двор-колодец. Остановился на несколько секунд. Тронул ладонью одинокую пыльную липу в середине асфальтового квадрата. В крохотном лифте прислонился затылком к стенке и чуть было не уснул.

Пока открывал квартиру своими ключами, заметил, что закрыто только на верхний замок. А может быть, ему от усталости так показалось.

Дома было тихо. И хорошо. Мечты всё-таки должны сбываться! Павел снял кроссовки. Брякнул ключи на полочку. Кинул сумку возле огромного старого зеркала в прихожей.

И чуть не подпрыгнул от неожиданности.

Дверь ванной открылась. В темноте узкого коридора

оттуда появилась девица в двух полотенцах. Одно на голове в виде тюрбана. А другое обхватывало тело. Но заканчивалось там, где едва начинались длинные ноги. Девица ойкнула. Полотенце слетело с головы. По плечам рассыпались рыжие кудри. Нижнее полотенце она спасла от падения, прижав обеими руками.

**Друзья, для удачливых промокоды:

на "Пока не
развели мосты"
aJ7wLc8G

и "Подснежники в декаб-
ре"
6VFLkzbp
hZxGEvw8
wReWeXon
8YNsBLY
mLtrNKdU**

Глава 14 Вера

Глава 14 Вера

Веру в Питер собрали так, будто она Марфушенька из сказки "Морозко" и едет в лес зимой. Еле удалось отбиться от мамы, предлагающей зонтик и тёплую куртку. Куда ей сейчас большой чемодан? Документы и вещи на несколько дней - и достаточно! А потом она приедет домой. Вот только от пирожков с повидлом отказаться не смогла. Слаба! Да и от бабы Мани с её "деточке надо немножко взять в поезд покушать" не смог бы отбиться никто, даже если бы хотел! А тут Верочкины любимые пирожки!

Мама, сажая её в такси, вытерла слезу. Папа взял жену за плечи. От проводов на вокзал Вера тоже отказалась. Не маленькая. Справится. Да и в Питере они бывали не раз и не два. Вера неплохо ориентировалась.

Только Макс веселился по поводу её отъезда. Говорил, что наконец-то будет единственным ребёнком в семье. Мол, ей перепало, а ему нет. Вера догадывалась, что так, за шутками и приколами, младший брат маскирует своё истинное настроение. Подросток. Что с него взять.

Пока такси отъезжало от дома, Вера пребывала в отличном настроении. Ленинградский вокзал ей очень нравился. Это вам не суетный очень многолюдный Казанский. И не пустоватый, чуть провинциальный, похожий на теремок или яркую шкатулку Ярославский. Было в этом здании архитектора Тона что-то, заставляющее сделать серьёзное лицо и преисполниться гордости за себя.

В поезде Верочка неожиданно для себя уснула. Не мешали даже тетушки - соседки, всю дорогу обсуждавшие садово-огородно-заготовительные дела.

Поход в Университет был запланирован на следующее утро. Вечер дня пребывания предполагалось потратить на заселение в квартиру и прогулку. Вот с прогулки Вера и начала. Просто не смогла себе отказать. Хотя с прилично нагруженной сумкой было не очень удобно.

Эмоции зашкаливали! Как же хорошо здесь дышалось! Необыкновенно красивое небо, совсем не такое, как в Москве. И чуть более вальяжный темп жизни.

С хозяйкой квартиры договаривался Верин папа. По плану она должна была ждать звонка от Верочки. И приехать, чтобы показать квартиру и отдать ключи. Вера набрала её номер сразу, ещё на вокзале. На том конце были длинные гудки. Но Веру это не испугало. Мало ли, человек не услышал звонок. Случается. Макс, например, регулярно не слышит собственный телефон. Особенно, когда ему днем звонит кто-то из родителей.

Вера перезвонила через час. Эффект был тем же. Долгие гудки без ответа. Нагулявшись и сверившись с навигатором, чтобы понять, сколько ей ехать, Вера позвонила ещё раз. Время было уже позднее. Хотелось наконец заселиться и вытянуть ноги. Ситуация усугубилась. Теперь абонент был не в сети. Вера перезвонила отцу.

- Пап, фигня тут какая-то. Я звоню, она не отвечает. А теперь вообще "абонент не абонент". Что делать?

- Давай ты пока выдвинешься поближе. И поужинай где-нибудь. А я буду дозваниваться. В конце концов, придумаем что-то с гостиницей.

На нервах Вера плюхнулась на лавочку и пошарила в сумке. Последний пирожок от бабы Мани был как нельзя кстати. Что ж такое... Приложение для бронирования мест в отелях сообщало, что их нет. Понятное дело, в Петербурге лето - это высокий сезон. Но не было вообще и ничего. Или она от усталости недостаточно тщательно искала.

Погода вдруг стала портиться. Ветер усилился и заметно похолодало. Вера переместилась с лавочки в ближайшее кафе. Ноги гудели. И голова тоже. Она уговаривала себя, что безвыходных ситуаций нет. Можно будет вернуться на вокзал. Там наверняка есть какой-то капсульный отель. Но изучение сайта вокзала догадку не подтвердило.

Звонку от папы Вера обрадовалась.

- Солнышко, значит так, сейчасдвигаешь на Большой проспект Васильевского острова. Точный адрес и код пришлю. Это квартира знакомых. Их в Питере сейчас нет. Ключи у соседки. Её предупредили.

- А с той квартирой что? - Вере было жалко, что не получилось жить там, где ей понравилось. На фотографиях была такая красивая квартирka в новом доме. Просто игрушка. Но как там? Гладко было на бумаге, но забыли про овраги?

А с той квартирой только матом, дочь. Нехорошие люди попались. Пусть теперь живут с этим. Давай, двигай. И отчитайся о прибытии, пожалуйста. Мама волнуется.

Вера положила трубку. Глянула на адрес. Она очень устала. Но возьмёт такси. Хотя это и совершенно не экономно и не вписывается в её планы скромной, но самостоятельной жизни.

Дом оказался совсем старым. С огромной тёмной аркой, в которую, согласно присланной инструкции, надо было зайти. Двор-колодец. Почти пустой. Только одинокое большое дерево в середине.

Вера с трудом отыскала в углу двора дверь подъезда, гордо именуемого парадной. Нашупала кнопки кодового замка. Лифт вместил только её. Может быть, тут мог поместиться и ещё один человек, но не слишком габаритный.

На шестом этаже волнуясь позвонила в дверь. Сначала долго не открывали. Вера успела разволноваться. А вдруг уже спят? Неловко.

- Деточка, ты Вера? - дверь открыла женщина необыкновенной красоты. Глаза в пол лица. И потрясающие волосы.

- Да... Я...

- Держи ключ. Мне Алёнка звонила. Сказала, тётя Женечка, сейчас придет девочка. Зовут Вера. Надо ключи дать. Иди. Вот дверь рядом. И звони мне прямо в звонок, если что. Иди-иди. Отдыхай.

- С-спасибо, - Вера уже с трудом соображала. Взяла ключи.

Дверь легко открылась. В квартире было темно и тихо.

Друзья сегодня День военно-морского флота. И мы поздравляем героев аж трех книг.

"Ветер с севера"

<https://litnet.com/shrt/PyV4>

"Пока не развели мосты"

<https://litnet.com/shrt/PyD4>

**"Фон-барон для Лыдинки"

<https://litnet.com/shrt/Py2o>**

Глава 15 Вера

Глава 15 Вера

Вера за целый день так устала и нанервничалась, что не стала выпрашивать, что это за квартира. Только отписалась родителям, что она на месте.

Её хватило на очень беглый осмотр своего пристанища. Это был "дом". Не "апартаменты", не "жилье", не "квадратные метры". А чей-то настоящий дом. С атмосферой, уютом, настроением. Комфорт, который создавался для себя. Вещи, которыми пользовались. Книги, которые читали.

Верочка мельком глянула на содержимое кухонных шкафов, прикинув, что магазины уже закрыты, да и сил нет что-то искать. Но над плитой нашёлся хороший чай и кофе. А последний бабы-Манин пирожок оказался на самом дне рюкзака весьма кстати. Вера уселась с чашкой чая на подоконник и с чувством откусила пирожок. Вот она - её новая жизнь!

Из всех комнат она благоразумно выбрала самую маленькую. Зато уютную. Правда, явно не девичью. Зато тут было ровно всё, что нужно. Кровать, стол, кресло и чудесный торшер. В него Вера сразу влюбилась. И решила, что когда у неё будет её собственная квартира (ведь случится такое когда-нибудь обязательно!) она купит туда вот такой же уютный светильник.

Чистое белье и полотенца легко нашлись в шкафу. Вера упала на чистую, пахнущую кондиционером для белья подушку. Будильник предусмотрительно поставила. И отключилась.

Проснувшись утром долго соображала, где же она. Потребовалось время, чтобы вспомнить вчерашний день и порадоваться за себя. Пожалуй, ни одни новые апартаменты не дали бы ей такого яркого ощущения, что она в Петербурге. А вот высокие потолки с лепниной, огромные окна, выходящие в двор-колодец и вся обстановка квартиры давали именно то чувство, о котором Верочка мечтала.

С мыслями о том, что вот прямо сейчас она приведёт себя в порядок, выпьет кофе и выберется где-нибудь позавтракать, а потом уже двинется в Университет, Вера пошла в душ. С наслаждением встала под тёплую воду. Выбравшись, рассматривала себя в зеркало. Так хорошо выпалась, что лицо сияло. Улыбнувшись себе в зеркало, Верочка намотала одно полотенце на волосы, другое обернула вокруг тела и вышла в коридор.

Звук в коридоре заставил замереть. Вера опасливо глянула в сторону двери. Там, будто у себя дома, кинув ключи на полочку и наступая носком на задники, снимал кроссовки какой-то парень в шортах и белой футболке!

- Ой, - вырвалось у Верочки.
Одно полотенце тут же слетело с головы, второе пришлось ловить руками.

Неконтролируемый страх вдруг накатил. Вера чуть не наступила на швабру... Мысль, что швабра может быть отличным оружием, а то непонятно, что в голове у этого чувака, пришла мгновенно. Что он тут делает? Грабить пришёл? Тогда откуда у него ключи? И зачем тогда разуваться?

- Вы что здесь делаете? - отчаянно пошла в наступление Верочка, держа одной рукой полотенце, а другой швабру на манер копья.

- Живу, - удивлённо и мирно заявил парень.

«Живу!» — это заявление прозвучало как гром среди ясного неба. Вера на мгновение замерла, пытаясь осознать услышанное. «Он живёт здесь? В этой квартире?» — пронеслось у неё в голове.

В этот момент её переполнил адреналин, и она, словно тигрица, кинулась на парня с шваброй в руках.

— Ах, живёшь?! — воскликнула она, нанося первый колющий удар. Парень, не ожидавший такой реакции, вскрикнул в ответ и отпрянул в сторону кухни.

- Ай! Больно же!

— Статья 139 УК РФ! Нарушение неприкосновенности жилища! Сейчас я тебе покажу, как здесь жить! — продолжала она, следуя за ним по пятам.

- Matka Bozka! Ой-ой!

Павел заметался по комнате, словно загнанный в угол хомяк.

— Да постойте вы! Это моя квартира! Я Павел! Я тут живу! — отчаянно кричал он, пытаясь донести свой смысл до разъярённой фурии в полотенце и со шваброй в руках. Но Вера была неумолима.

— Изнасилование! Статья 131! Разбой! Статья 162! Сейчас я тебя, насильника, в полицию сдам! — продолжала она, нанося удары шваброй по всем доступным частям его тела.

Преследование продол-

жилося в гостиной, где Павел пытался спрятаться за диваном, отбиваясь подушками. Его разбирал смех.

- Да что с вами - Ай! - такое?!!! У меня - Ой! - документы - Ой! - есть!!!! Квартира - Да, блин!!! - Моя !!!! Я - Ай! Да, хватит!! - только прилетел!!!! — кричал он, пытаясь увернуться от очередного тычка.

Но Вера в ярости и плохо слышала его слова.

— Грабеж! Статья 161! Откуда у тебя ключи, ворюга?! — вопила она, нанося удары по всем доступным частям тела парня.

Вся эта вакханалия сопровождалась постоянной борьбой с предательски сползающим полотенцем, которое то и дело открывало парню пикантные виды, от чего тот только больше терялся и спотыкался об мебель.

Минут через десять отчаянной битвы, запыхавшись и устав, Вера наконец-то остановилась, пристально вглядываясь в лицо своего врага.

И тут её осенило: «Павел? Тот самый доктор со свадьбы Валентины! Который диагнозы ей ставил! Как там? Вальгус? Вот гад!» — её лицо залилось краской.

— Вальгус? — прошептала она, осознавая весь комизм и абсурдность ситуации.

Павел, отдышавшись и оглядывая квартиру, больше напоминающую поле боя, огляделся и улыбнулся.

— Ну здраааасти! Приехали. Теперь убираться полдня будем... Чем это так вкусно пахнет? Кофе?

Вера напоследок с досады швырнула швабру.

- А швабру-то за что?

Полотнце, мужественно державшееся на честном слове всю "битву", устало соскользнуло на пол.

Глава 16 Павел

Глава 16 Павел

Кирсанов не ожидал, что эта ведьма со шваброй, которая совсем загоняла его по квартире, вдруг расплачется. Да так горько, что у него свело под рёбрами.

Да, у врача нет пола. В операционный и в реанимации ему не было совершенно никакого дела до половых признаков больного или особенностей фигуры. Но сейчас он видел только девушку. Прекрасную во всех отношениях. Смелую. Умную. И безумно красивую. Золотые кудри, оказывается, бывают не только у сказочных принцесс. А и у вполне земных девушек с белой нежной кожей, тонкими щиколотками и изящной талией.

Всё остальное он приказал себе не разглядывать. Но даже сознательно переключиться в режим "доктор" не вышло. Прекрасное создание рыдало в кресле самыми настоящими слезами. Плечи вздрагивали. По щекам бежали солёные реки.

Павел на женские истерики обычно не реагировал. Но тут его пробрало. "До печенок", как выражался мамин отец, который как раз доктором не был. Кирсанов поднял с пола полотенце. Прихватил плед с растерзанного битвой дивана. Осторожно накрыл Веру. Присел перед ней на корточки. Заглянул в лицо. Осторожно стёр слёзы со щёк. Не удержался - заправил за ухо яркий локон. Сердце грохотало в ушах.

- Кофе будем? Сейчас, кажется, самое время, - горло хотелось прочистить, так хрипло вышло. Будто после ангины.

Верочка подняла глаза, всхлипнула и кивнула.

Павел обрадовался возможности. Поднялся.

- Я сейчас. Тут за углом... Вкусные... Как раз к кофе. Сваришь? Я быстро!

Понял, что совершенно не владеет собственной речью. Вместо внятных фраз получается эмоциональный набор.

Заскочил в ванную на несколько секунд. Потянул носом. Пахло Верой. Её шампунем и каким-то кремом. Яркие баночки уже стояли на полочке.

Голову под ледяную воду - всегда помогало сосредоточиться и протрезветь. Папа рассказывал, что ему однажды пришлось целиком под ледяную воду вставать, чтобы прийти в себя.

Вода помогла. Мысли вернулись на свое место. И Кирсанов смог вполне нормально найти русскую банковскую карточку и ключи. Выскочил из квартиры.

Помчался, перепрыгивая ступени, вниз. На одном дыхании добрался до пекарни на внешней, выходящей на проспект, стороне дома. Они работали с раннего утра, и это место было очень популярно и у тех, кто ехал на работу. И у студентов университета, что прямо напротив.

Павел нетерпеливо топтался в небольшой очереди, переживая, как там Вера. Только бы не сбежала. А то ведь эта может! Надо же! Шваброй его гоняла!

Тут у него губы сам расплылись в улыбку. Вера... Красивая необыкновенно.

- Что Вам, молодой человек, у которого и так всё в жизни удалось? - спросила из-за прилавка продавец.

- Круассаны. Два. Нет. Четыре.

- С ванильным кремом? С шоколадом и вишней? С малиной?

У Павла мгновенно нарисовалась картинка: его кухня, Вера, круассан, кофе.

- По два. Каждого вида.

- Держите! Круассаны. И Ваше счастье тоже держите!

Павел не успел обдумать эту фразу. Главное было, чтобы Вера никуда не делась!

Бежать по лестнице в парадной на высокий шестой этаж Кирсанов не рискнул. Благо, лифт пришёл вниз быстро. А вот вверх ехал, кажется, в час по чайной ложке.

Павел ввалился в квартиру. Прислушался. Тихо. Неужели, ушла? Но тут до него добрался запах только что сваренного кофе. Ммм... Девочка-то умеет его варить!

Глава 17 Вера

Глава 17 Вера

Господи, как же стыдно! После того, как за Павлом хлопнула входная дверь, Вера ещё некоторое время сидела неподвижно. Слёзы высохли. Теперь щеки пылали. Она вела себя как последняя дура! Хотя почему "как"? Вспоминать всё, что она успела наговорить за короткий отрезок времени, не хотелось совсем. Всё же прав дядя Ян, когда советует время от времени проверять соединение мозга и языка. У неё там явные проблемы. Дисконнект.

А этот Павел не такой уж говнюк. Как себя повёл бы в такой ситуации Обухов, (ежей ему в штаны) , даже сложно было себе представить. Их наглаженное занудное величество вряд ли станет бегать от почти голой девушкой, перепрыгивая длинными ногами через мебель и хохоча. У Обухова не было ни длинных ног и красивой мужской задницы, ни чувства юмора. А у таки доктора были. Получается, ему было смешно?

Теперь нужно было быстро соображать, что делать. Первая мысль - бежать. Быстро. Роняя тапки и ураганом собрав вещи.

Вера оглядела погромленную гостиную. И ей вдруг стало так жаль уходить. Этот дом будто прирос к ней всего за несколько часов. И было ощущение, что уже сейчас по памяти она может сказать, какие книги стоят в шкафу с стеклянными дверцами. И какая на ощупь обивка вот того дивана, за которым от неё Павел пытался спрятаться.

Верочка тяжело вздохнула. Идти ей прямо сейчас некуда. Попала она сюда легально. Только стоит выяснить, через кого из знакомых. Ключи ей дала чудесная Евгения Александровна из соседней квартиры. Она подтвердит. И стоит просто поговорить с Павлом. Нормально. Как взрослые люди. Извиниться, конечно, тоже придётся. Но ведь и её можно понять! У неё стресс! Да ещё какой!

Мысли метнулись к моменту фатального полёта полотенца. Она не могла сдержат поднимавшейся волны смущения. Кажется, каждый сантиметр её кожи до сих пор ощущал тот взгляд Павла — одновременно изучающий и оценивающий.

Мурашки табуном побежали по всему телу. Вера плотнее запахнула плед и поежилась. Он её видел голой! И смотрел так, будто и не доктор вовсе. Своими огромными серыми глазами. А на носу у него оказывается веснушки. Едва заметные. И крохотный шрам на подбородке.

Верочка тряхнула головой. Нет-нет-нет! Никаких подробностей подбородка! Никакой романтики! Только деловые отношения!

Вдох и выдох дались почти с болью. Вера поднялась. Решительно потопала в маленькую комнату. Придирчиво оглядела свои вещи. Одеться сразу, как в Университет? Нет, так глупо варить утренний кофе в светлой блузке и юбке. Но не в пледе же!

Картинка кухни мгновенно нарисовалась воображением. Захотелось сидеть на угловом диванчике, подогнув под себя одну ногу. Или ещё лучше - устроиться на широком подоконнике и разглядывать небо.

Усилием воли удалось сосредоточиться на текущей задаче. Шорты и футболка - нормальный утренний вид для кофе и переговоров. Волосы в хвост, чтобы не мешали. Босыми ногами Вера прошла в кухню.

Полы были приятными - деревянными. Неужели такие ещё бывают? А она-то полагала, что стиль лофт - её любимый. Минимализм. Бетон и кирпич. Стекло и глянец. Но нет. Теперь ей вообще и совсем не хочется в каменный мешок.

Кофе и джезва нашлись моментально. Кардамон, корица, сахар. Всё в наличии. Внутри будто свет включили. Очень захотелось удивить и порадовать этого доктора. Пусть поймёт, что она не пустоголовая девица. Захотелось ещё раз увидеть, как он улыбается.

Как только кофе коричневой пенной шапкой поднялся над джезвой и попытался убежать, проскрежетал замок и хлопнула входная дверь. Павел вернулся.

Глава 18 Павел

Глава 18 Павел

Не ушла. И слава богу. Теперь нужно как-то осторожно спросить, что у неё на самом деле случилось. Потому как было ощущение, что рыдала Вера совсем не из-за полотенца. А будто нарыв прорвало. Бурно. Но только поверхностный слой. И если сейчас до конца не вычистить, то потом будут проблемы. Только уже куда серьезнее.

Павел снял кроссовки и через длинный коридор пошёл к светлому пятну кухни. В детстве ему казалось, что "свет в конце тоннеля" выглядит именно так - если идти от входа в бывшую коммунальную квартиру по тёмному коридору мимо дверей всех четырёх комнат, а потом оказаться на кухне, где светло, уютно и всегда вкусно пахнет.
Пахло кофе. С кардамоном и корицей. А ещё Верой. Паша потянул носом. Запах был ярким, приятным и... родным. Хотелось нырнуть в него и остаться.

Было заметно, как напряглась Вера при его появлении. Не обернулась, но выпрямила спину и свела лопатки. Как танцорша. Мама тоже так делала иногда. А папа смеялся, что у его Алёны "крылышки видно".

- Я принёс круассаны к кофе, - Павел открыл бумажный пакет и дал Вере понюхать.
Она смешно засунула туда лицо и шумно понюхала.

- Отвал башки! Доктор, Вы меня не отравите?
- Можем делить каждый пополам, если сомневаешься, - Кирсанов полез за красивой тарелкой для выпечки.

Верино плечо было совсем рядом. Аж голова закружилась, как хотелось дотронуться губами до веснушек на светлой коже. Девушка ловко разлила кофе. Изящно повернулась с двумя чашками в руках. Поставила на стол. И плюхнулась на ближайший стул.

- Вообще-то, это моё место, - Павел поставил в центр стола круассаны и уселся напротив.

- Пока будет моё, - пожала Вера плечами и подогнула одну ногу под себя.

Кирсанов с трудом сдержался, чтобы не прокомментировать, что в таком положении сосудам не очень хорошо. Видно, девушке и так не по себе. Теперь предстояло провести "сбор анамнеза". Только нежно, чтобы "пациент" не сбежал.

В том, что слово врача лечит иногда эффективнее многих лекарств и манипуляций, Кирсанов свято верил. Его дед, профессор-кардиолог, утверждал, что глаза и уши - главный инструмент. Надо слушать, что пациент говорит, и как он говорит. И в этом часто ключ к пониманию истинных причин заболевания.

Павел, как обещал, разломил круассан.

- Держи. Половина твоя. Шоколад и вишня.
Вера откусила от своей части сразу много.

- Наука утверждает, что в шоколаде содержится аминокислота триптофан, которая поднимает настроение. Правда, они не уточняют, что шоколадом при этом надо закусывать коньяк, - выдал Кирсанов и откусил.

Вера хрюкнула от смеха с полным ртом. Замахала руками. Прожевала. Павел успел отхлебнуть кофе.

- Никогда не смейся человека, пока он ест печенку. Дождись, пока он запьет её чаем! - провозгласила Вера.

Теперь была очередь Кирсанова давиться со смеху. Только усилий, чтобы удержать во рту ещё и кофе, требовалось гораздо больше.

Стоило как-то начать. Издалека. То, что она способна шутить, хоть глаза и грустные, это было очень и очень хорошо.

- Какие планы на сегодня? - спросил Павел и разломил ещё один круассан, - Ванильный крем, - протянул Вере.

- Я привезла документы в Университет. Меня берут в магистратуру на юридический. Понимаешь... Такое дело...

И Вера вдруг выложила Кирсанову всё. Как рассказывают всю свою жизнь случайному попутчику. Про то, как поступила туда, куда хотела сама. Про то, как училась. Про то, что "Обухов, оказывается, козёл". Правда, Павел прикинул, что об этом Вера подозревала давно.

Козлу захотелось втащить по роже. Аж кулаки зачесались. Но потом Вера рассказала, как отдубасила его букетом. И Кирсанов оценил её решительность.

Про то, как она попала к ним в квартиру, Вера тоже поведала. И только сейчас до Павла дошло, что его телефон выключен ещё с Варшавы.

- погоди. Я сейчас, - подскочил он. Нашёл про-

вод. Подключил. Телефон ожил, поморгал экраном, загрузился. И запищал входящими сообщениями. От мамы. От отца.

"Приедет девочка", "Встреть, помоги"....

Глава 19 Вера

Глава 19 Вера
С ним было почему-то очень легко. Он слушал, не перебивая. Не комментируя. Не осуждая.
- Вот я и приехала. Учиться. Хотя, если честно, понятия не имею, как я тут два года буду жить. И получится ли у меня. Это как новая стройка. С нуля.
Кирсанов кивнул. Ему, кажется, было понятно, о чем Вера говорит.
- Ты сказал, что это твоя квартира, - выдохнула она. Пора было переходить от лирической части к деловой.
- Моя. Вернее, моих бабушки и дедушки.
- А они... Умерли?
- Нет. Почему? Живы. Просто живут в Москве теперь.
- Ясно. Так мне можно тут жить? Я так поняла, мои родители как-то договорились с твоими.
- Можно. Только маленькая комната - моя. Можешь выбрать любую другую.
Вера с ужасом поняла, что у неё дрожит подбородок. Она собиралась быть деловой и твердой. Но эта фраза почему-то сломала все намерения.
- К-как? П-почему?
- Погоди-погоди. Не плачь, пожалуйста. Ну.... Это была комната моего отца. Потом стала моя. Есть ещё та, которую все называли детской. На самом деле там жили мои тётки. Они близняшки. Тата и Ната. То есть, Татьяна и Наталья. Там зеркало. И места больше.
- Я хочу маленькую, - Вера отчётливо понимала, что со стороны это звучит как каприз. Да, вполне возможно, так и было. В конце концов, у Павла просто потому, что он хозяин, больше прав. Но ей почему-то было важно остаться именно в этой комнате.
- Хорошо, - вдруг согласился Павел. Только договоримся: в мои бумаги не соваться. У меня там свой порядок. Остальное... По очереди, наверное. Так?
Вера с готовностью кивнула. По очереди - так по очереди.
- Не шумим, компании не приводим, - добавил Павел.
- Ты говоришь, как старый дед.
- Я не дед. У меня серьёзная работа. И я должен нормально отдыхать. И дома я тоже пишу.
- Что пишешь?
- Диссертацию.
- Ого! Ты учёный? По тебе не скажешь.
- По тебе тоже не скажешь, что ты юрист.
- Зануда!
- Хм..., - у Павла не нашлось, чем мгновенно парировать, - Тебе пора в университет. Знаешь, как идти?
- Разберусь!
Вера поднялась, взяла чашки, вымыла их под краном и поставила сбоку.
Павел хмыкнул, взял полотенце. Вытер посуду и убрал в шкафчик.
Вера пожала плечами, и стуча пятками отправилась в "свою" комнату. - Я уехал! - услышала через несколько минут.

Входная дверь хлопнула.
Егорова оглядела себя в зеркало на внутренней стороне дверцы шкафа. Не похожа на юриста? Это мы ещё посмотрим, доктор!
Университет оказался прямо напротив дома. Вот совсем напротив. Перейти проспект - и ты уже на месте. Вот это подарок! В Москве из посёлка на учёбу она добиралась не меньше часа. А тут - семь минут со всеми лифтами, светофорами и лестницам. Красота!
В учебной части всё было по-деловому. Документы. Фотографии. Студенческий. Вера повертела в руках синюю книжечку. Вот уж точно - неисповедимы пути!

Глава 20 Павел

20. Павел

Врачи быстро привыкают к власти над людьми. Всего несколько смен дежурств, и начинает казаться, что ты практически бог. Тебя слушается младший и средний персонал. Больные и их родственники смотрят в рот. А ты изрекаешь некие непрложные истины. Которые не обсуждаются.

Кирсанов тоже быстро привык. К тому же отец всегда говорил, что нужно думать своей головой и брать на себя ответственность.

Вера же всё время ставила под сомнение практически всё, что он говорил. Павел не мог понять, почему простые и понятные вещи необходимо оспаривать. И откуда такая тяга к дискуссии там, где всё и так ясно - ведь он, во-первых, прав. А если ей кажется, что нет, то надо смотреть пункт первый. Но с Верой спорить - себе дороже.

Это у него все вилки-ложки после помывки разложены на чистом вафельном полотенце в определённом порядке: сначала чайные ложки, потом вилки, потом ножи, потом, например, половник. Вера же упрямо кидала приборы хаотично. Даже не в одну сторону прямо на металлическое крыло мойки.

- У тебя как в операционной. Бррр..., - морщила свой нос, разглядывая идеальный ряд металлических предметов. Ты зануда.

- Нет, в операционной ещё строже. И там справа пила.

- Пила? Прям пила? - округляла она глаза от неподдельного ужаса.

- И дрель, - добил Кирсанов. Его забавляли Верины реакции, но ей об этом знать не следовало.

В его доме женщина. Осознание этого факта приходило по капельке. Пока Павел учился в университете, девушки в этой квартире, разумеется, бывали. Многие сразу начинали тихую экспансию. В ванной "случайно" забывались колечки, резинки для волос. Были попытки оставить зубную щётку и крем. Кирсанов все эти ухищрения видел и пресекал. Сам, возможно, и не понял бы тайный смысл этих случайностей. Но старшая сестра просветила.

Теперь девушка жила здесь вполне законно. И постоянно.

- Вера! Мне уже убежать! Ты уже час в ванной!

Эта привычка : занимать ванную утром надолго, бесила Кирсанова больше всего. Что там можно делать столько времени?

После Веры в ванной висели клубы пара и пахло всеми сразу её средствами для всего. Для тела, волос, лица.

Павел несоро приводил себя в порядок.

- Ты куда без зонта? - перехватывал Веру уже в дверях.

- Так солнце же! Ты как старый дед!

Её московская нахальная уверенность в погоде бесила.

- Это Питер! Здесь может быть туманное утро, солнечный день и дождь с холодным ветром вечером! Глупо не предусмотреть хотя бы зонт!

- Боже мой! - вскидывала Вера длинные ресницы, - Как тебя терпят пациенты? Или медсестры? Ты же тиран и деспот!

И убегала, так и не взяв зонт. Думала, он потом не видел её кроссовки, которые всю ночь сохли в ванной. И не слышал, как кашляла и пила ночью чай. Потому что Вера конечно же попала под дождь и промокла насквозь. Удивительно легкомысленное поведение для будущего юриста. И ладно бы, первокурсница! Но магистрант! Пора бы относиться к жизни серьёзнее!

Для удачливых промокод на "Ветер с севера" Qrc7dXnh

Глава 21 Вера

Глава 21 Вера

Делить территорию с Кирсановым было ой как непросто. Конечно, можно было бы напрячься и найти себе что-то отдельное. Но эта квартира будто приворожила Веру. Ради жизни в ней можно было закрыть глаза на наличие у неё занудного хозяина.

Вернувшись домой на несколько дней и чтобы забрать вещи, Вера вдруг заскучала по питерской квартире. Чувство было странное. Она прикидывала в уме, было бы ей лучше, если бы хозяин в квартире отсутствовал. Однозначного ответа так и не получилось.

Кирсанов был педантом. А ещё - деспотом. У него на лбу неоновыми буквами горело: "Я всегда прав!". Примерно, как в армии.

Но на Веру Ярославовну Егорову это действовало как красная тряпка на быка. Тут же хотелось сказать что-то в пику. И сделать иначе не из разумных побуждений, а просто из чувства противоречия.

Хотелось внести хаос в его хирургический порядок. Разбередить уверенное спокойствие. Сбить его польскую спесь. И вывести на эмоции.

Но у доктора Павла Витальевича (Ах, он ещё и Витальевич. На бейджике написано - "врач ортопед-травматолог") Кирсанова на всё было разумное и занудное объяснение.

Как будущий юрист, Вера даже немного завидовала чёткости его мыслей и способности сформулировать максимально доступно. Но этот едва заметно снисходительный тон! Кто может такое выдержать? Далась ему эти ложки? Какая разница, как они разложены после мытья? Потом в ящик она всё уберёт по категориям.

А ещё Кирсанов её контролировал. В чём пошла. Когда пошла. Куда пошла. Бесило это, с одной стороны, страшно. Она что, маленькая девочка? А он ей кто? Правильно - никто! Так что может заткнуть свой питерский снобизм в известное место. Как говорит дядя Ян: "Не надо думать за тухес*. Надо думать за нахес!*"

И да, Павел был прав, говоря про погоду в Петербурге. Но Вера из принципа выходила из дома без зонта. Именно тогда, когда Кирсанов видел, как она уходит. Натевам наше московское "фе"!

В принципе, они с Павлом существовали достаточно автономно. Она не лезла в его жизнь. Не знала график его работы. Не спрашивала, где и с кем он проводит время. Просто соседи. Удобно.

В тот день Кирсанов ушёл первым. Перед этим работал почти до утра. Вера слышала, как он ходил по комнате и ругался по-польски.

Связку его ключей от квартиры Вера увидела сильно позже, собираясь на занятия. И почему-то не удивилась, обнаружив доктора Кирсанова на лавочке перед её факультетом.

По небу бродили внушительные тучи. Но сильный ветер с залива старательно гнал их. Всего за минуту успело погреть осеннее солнце, потом спряталось и снова появилось.

- Привет! - поднялся Кирсанов ей навстречу.

Девочки-однокурсницы аж притормозили за Вериней спиной. Стоило признать - Павел хорош! Картинка, а не парень.

- Привет! Ты забыл ключи? - у Веры чесался язык сказать что-то остроумное и дерзкое про его педантичность. Мистер "порядок" оказался просто "шляпой".

Дождь начался резко. Будто там, где-то наверху за облаками кто-то открыл кран и переключил режим на "душ". Сладкий пьянящий запах цветов стал вдруг очень ярким и почти осязаемым.

Вера замерла на полуслове. Ей хотелось высказать этому зануде всё, что накипело. Но шум дождя моментально заглушил звуки. Бесполезно перекрикивать.

Она и среагировать не успела, когда Кирсанов потянул её за руку.

- Надо спрятаться, бежим!

- Прятаться? Ты сахарный? Тут до дома метров двести. Успеем добежать! - в её серых глазах заплясали черти.

Павлу ничего не оставалось. Он только крепче сжал Верину ладонь. Они помчались вдоль проспекта в сторону дома.

Верочка сначала азартно перепрыгивала лужи. Потом просто бежала, сверкая коленками, пытаясь успеть за длинноногим Кирсановым, тащим её за собой.

Арку проскочили, не сбавляя темп. Уже во дворе под огромной липой Вера вдруг притормозила. Глянула из-под ресниц

так серьёзно и пронзительно, что Павла будто под дых ударили. Тряхнула рыжими волосами. Ведьма. И снова побежала уже наискосок через двор к парадной.

Павел догнал её, пытающуюся одновременно мокрыми руками попасть в три в кнопки старого кодового замка на двери и дёрнуть ручку.

Куда он опять лезет? Она всё может сделать сама!

- Да погоди. Дай мне, - его ладонь легла поверх тонкой девичьей.

От дрожи и холода не осталось и следа. Жар прокатился по телу и отозвался бешеным стуком сердца.

Они ввалились в крохотный лифт толкаясь и по-собачьи отряхиваясь. И пока скрипучая крохотная кабинка поднималась на шестой этаж, уставились друг на друга.

*тухес-жопа

**нахес-счастье

Глава 22 Павел

Глава 22. Павел

Бесконечно длинный подъем в лифте Кирсанов выдержал с трудом. Верин взгляд не отпускал. Она смотрела с вызовом и какой-то скрытой радостью. Ведьма! Кажется, если сейчас у него попросят Луну с неба, он легко согласится.

У этой сцены мог бы быть вполне романтический финал, если бы не мелкая чечётка, которую стали отбивать Верины зубы ближе к шестому этажу. К волнению эта трясучка точно не имела никакого отношения.

Пока Павел выуживал ключи из кармана мокрых брюк, Веру заколотило уже целиком.

В голову Кирсанову лезли грязные польские ругательства. Произносить такое вслух нельзя. Даже без знания польского понятно, что ничего приличного. Но как? Как можно было так беспечно пойти у неё на поводу? Не лето же! И дождь ни разу не грибной. Нормальный такой холодный ливень и ветром. Обманчиво-яркие краски начала осени создали ложное ощущение тепла. Ну, или Верин организм надорвался где-то ещё, и сейчас оказалось достаточно лёгкого толчка от природы, чтобы он дал сбой.

Вера была уже бледнее мела. Павел приложился губами к её лбу. Успел подумать, что это совершенно не профессионально и не научно. Надо достать человеческий градусник. Но так делала его бабушка. А она, на минуточку, врач-педиатр, а не просто "бабушка обыкновенная". Способ древний и вполне рабочий.

Лоб у Веры был как печка. Совсем не точная термометрия. Однако, достаточная для начала лечения.

- Вера, слушай меня, пожалуйста, внимательно и, умоляю, сделай, как я скажу, без выкрутасов. Хорошо?

Вера слабо кивнула и безвольной куклой стала оседать на пол. Павел подхватил на руки.

- Вера, Вера... Сейчас-сейчас... Ты меня только потом не убей, - бормотал, укладывая девушку на кровать и стягивая с неё одежду.

"Режим доктора" всё же включился. Движения стали точными и уверенными. Пальцы не дрожали и даже зрачки, вполне возможно, не расширялись, пока раздел её до белья. Уложил в кровать. Сходил-таки за нормальным градусником.

Прибор продемонстрировал тридцать восемь и две. Значит, никаких жаропонижающих. Попробуют справиться просто согревающим питьем. Даст бог, пронесёт, и это не какой-нибудь сезонный бродячий вирус, которые год от года всё злее и цветистее.

Простуды и вирусные инфекции - не его специализация. Кирсанов судорожно вспоминал, чем его самого лечили в детстве в подобных случаях. Хотя он, в своей жизни "до этой рыжей безрассудной девчонки", под осенним проливным дождём без капюшона или зонта точно не бегал.

- Паш, прости, я сглотила, - подала голос Вера, открыв глаза. Щеки у неё пылали. Девушка натягивала на себя одеяло до самого носа. Видимо, он всё-таки её смутил.

Павлу сначала захотелось язвительно спросить, где же именно она считает себя не правой. В кой то веки! Но он только шумно выдохнул.

- Вер, ты не переживай... Я ничего не видел. Вернее, я же врач. Короче, так надо было. Не в мокром же лежать. Температура есть. Но не критичная. Я сделаю чай. Носки наденешь шерстяные.

- У меня нет...

- Мои наденешь. И чай выпьешь. Завтра из дома ни ногой. Лежать. Понятно? Если в туалет, скажешь мне. И не смей стесняться! Считай, что я на дежурстве и ты моя больная. Ясно?

Вера испуганно кивала. Послушно выпила чай. Надела носки. И уснула. Павел было выдохнул. Но ближе к ночи, подойдя проверить температуру, понял, что ситуация только ухудшилась. Дыхание изменилось. Вера была вся мокрая от пота. Пришлось вооружаться фонэндоскопом.

Глава 23 Павел

Глава 23 Павел

Звуки из фонендоскопа подтвердили опасения Павла: дыхание Веры было тяжёлым, с хрипами. Всё как учили. А учили Кирсанова советские доктора и на совесть.

Это был не бронхит, а гораздо более серьёзное заболевание — пневмония, вероятно, вирусная и, судя по всему, тяжёлая. В голове крутились все теоретические знания на эту тему.

Вера была в бреду. Она путала Павла с деканом и требовала конспекты. Задыхаясь, она металась по кровати. Павел обложил её компрессами, обтёр уксусом и попытался сбить температуру, которая упорно ползла вверх. В какой-то момент в голове возникла паника. Но Кирсанов усилием воли затолкал её в дальний угол сознания. Он врач. И верит в медицину. А медицина справлялась и не с такими напастями.

Пришлось вызвать скорую помощь. И сказать бригаде, что он врач.

Вера, вынырнув из забытья, категорически отказалась ехать в больницу. На её лице была растерянность и испуг. Мало кому может понравиться перспектива госпитализации.

- Магистратура же! Занятия! Мне нельзя в больницу! Не поеду! — осипшим голосом кричала она через силу, порывалась встать, - я почти в порядке, сейчас отлежусь!

Её сопротивление только забирало силы. И никак не способствовало лечению.

- Доктор, может, таблетку. Или даже укол?

Павел понял, что таблетку Вера ещё проглотит. А вот инъекций явно боится. Но отчаянно храбрится перед бригадой скорой.

Врач со скорой, уставший, с красными глазами мужчина, отозвал Кирсанова в сторону.

- Без ее согласия я не могу госпитализировать пациентку, а отказ она мне сейчас подпишет, аж ручку вырывать будет. Коллега, вы справитесь на дому? Хорошая регидратация, противовирусные, кислород, контроль сатурации... Сможете обеспечить? Я понимаю, что это не самое простое решение. Но что мы можем?

- Смогу! - Павел в своём режиме "доктор" был абсолютно уверен. Прикидывая, сможет ли сдвинуть работу в больнице. В принципе, он не штатный. Проблем быть не должно.

- Ну тогда мы поедем, наряд закрываем, отказ от госпитализации пусть подпишет... И, если что, вызывайте снова, - врач вернулся к столу и начал заполнять бланк отказа от госпитализации.

Утром в пятницу Павел, не спавший ни минуты, с красными глазами, отправился к Вере в университет. Поговорил в деканате. Один день пропуска без справки обещали не считать большой провинностью. Но пришлось пообещать, что если Егорова пропустит ещё, то у неё будет официальный оправдательный документ.

Затем он помчался к себе в больницу. У заведующего реанимацией получил подробные инструкции. На всякий случай записал слово в слово, чтобы потом, если что, не дёргать и без того загруженных людей.

Поймал инфекциониста и всеми правдами и неправдами уговорил его приехать вечером к нему домой посмотреть больную.

- Павел Витальевич, только для тебя. И по большой дружбе. Но спасибо в стакан не нальешь. Жди после смены.

Через знакомого заведующего отделением он выбил транспортный кислородный ингалятор и стойку для капельницы. Объяснив, что случай особый и уход будет обеспечен, он забрал оборудование на такси под дождём. Ингалятор оказался на редкость тяжёлым, и водитель такси с подозрением косился на него, но Павел молчал. Ему было всё равно. Вера задыхалась, и время - это было единственным, что имело значение.

Вернувшись домой, Кирсанов превратил комнату в подобие реанимации. Он подключил ингалятор и установил капельницу.

Вера ещё слабо протестовала, но сил сопротивляться не было.

Он сидел у её постели, сменяя капельницы и слушая хриплое дыхание. Каждые полчаса мерил температуру и записывал показания. Время тянулось мучительно медленно. За окном сгущались сумерки, дождь усиливался, барабания по стеклу.

Вечером к Кирсанову приехал инфекционист из больницы, осмотрел Веру, долго слушал, как она дышит и не дышит, покачал головой.

- Я привез

несколько флаконов реополигюкина и физраствора, рибаривин, бронхипрет. Вот схема, капай и таблетки давай. И кислород! У нее сатурация 93, пусть дышит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.